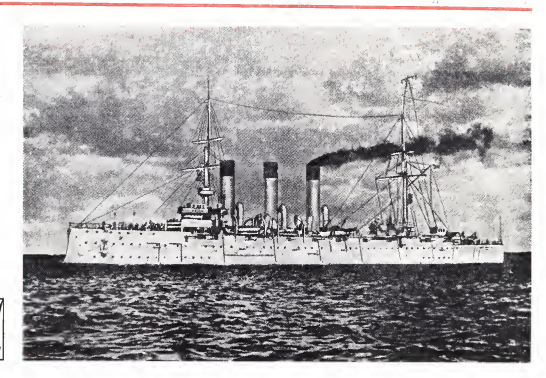
Юность № 9 1977 г

ЮНОСТЬ «АВРОРЫ»

В дни открытого посещения легендарного крейсера «Аврора» палуба корабля чем-то напоминает Красную площадь — тот же бесконечный поток людей, тот же разноязыкий говор. Представители 127 стран мира побывали на корабле Революции. Число экскурсантов давно перевалило за 9 миллионов. Книги отзывов уже составили целую библиотеку — свыше 50 томов! На каком бы языке ни были сделаны записи, смысл их сводится к одному: «До глубины души взволнованы посещением легендарного корабля, курс «Авроры» — это курс мира и созидания; благодарны тем, кто сохранил для поколений бесценную реликвию Октября».

В канун 60-летия Советской власти интерес к легендарному крейсеру особый· хочется знать все подробности из жизни первого корабля Революции.

О юности «Авроры», о малоизвестных страницах жизни легендарного крейсера рассказывает молодой ленинградский историк Семен Белкин.

Крейсер «Аврора» спущен со стапелей

В самом начале века русский военно-морской флот пополнился новым крейсером, получившим имя «Аврора». Корабль относился к классу так называемых бронепалубных крейсеров 1-го ранга, легких и быстроходных, предназначенных главным образом для ведения разведки и истребления неприятельских торговых судов.

Водоизмещение «Авроры» составляло около 7 тысяч тонн, мощность паровых машин — порядка 12 тысяч лошадиных сил, расчетная скорость хода — 20 узлов. На борту «Авроры» имелось 8 орудий 152-мм калибра, 24 орудия 75-мм, 8 орудий — 37-мм и 2 десантных орудия 63-мм калибра. Кроме того, предусматривалось три торпедных аппарата.

Броневая защита представляла собой палубу толщиной от 38 до 80 мм, выполненную в виде панциря черепахи. Бортовой брони «Аврора» не имела. Руководил строительством крейсера русский инженер К. М. Токаревский. Корпусную сталь и часть брони для крейсера выплавили на Ижорском заводе; на других российских заводах делали машины, механизмы, вооружение.

С точки зрения обитаемости корабль был «типичным представителем» своей эпохи: матросы жили в так называемых «жилых палубах», с явно недостаточной вентиляцией. Поскольку уголь был на «Авроре», как и на всех пароходах единственным видом топлива, самые тяжелые условия труда были в котельном и машинном отделениях. Каждую из трех паровых машин обслуживало 18 человек, каждый из двадцати четырех котлов — 4 кочегара. Изматываю-

щий физический труд, тяжелый воздух, насыщенный угольной пылью, иесмотря на вентиляторы, жара (температура у паровых котлов достигала 70°) — все это делало жизнь машииистов и кочегаров, особенно при плаванни в тропнках, невыносимой.

Современннк тех событий профессор П. К. Худяков в своей книге «Путь к Цусиме» так описывает условия работы машииной команды: «От постояииого пота почти вся команда, мывшая себя соленой водой, болела тропической сыпью, нарывами. Даже вдувная и выдувиая вентиляция, производнмая электрическими ветрогоиами, делала пребываиие «в машинах» возможным только для механиков. Заметное действие вентилятора было ощутимо только вблизи него, а немного в сторону от него, казалось, стоит все та же удушливая неподвижная атмосфера...

С кочегарами случались нередко тепловые удары. Человека машииной команды, попавшего «наверх», сразу же можно было узнать, его выдавало бледиое, бескровное лицо с трупным оттенком и неровная волдыристая кожа».

Строили «Аврору» долго, почти шесть лет, и обошлась оиа в кругленькую сумму — свыше 5,5 миллиона рублей. А когда крейсер наконец построили, оказалось, что за эти годы многое в мире изменилось и прежде всего политическая обстановка: врагом номер один для Российской империи стала Япония

В ночь на 27 яиваря (9 февраля) 1904 года японские корабли атаковали русскую эскадру, стоявшую иа внешием рейде Порт-Артура, а на следующий день напали на русские корабли «Варяг» и «Кореец» в корейском порту Чемульпо. Началась русско-японская война, и царское правительство приияло решение перебросить с западиых граиц иа восточиые все подходящие корабли. В октябре 1904 года «Аврора» в составе Второй Тихоокеаиской эскадры отправилась из Либавы на Дальний Восток — в путь длиной свыше 18 тысяч миль. «Сотии миллионов рублей были затрачеиы иа спешную отправку балтийской эскадры,— писал В. И. Ленин.— С бору да с сосенки собран экипаж, иаскоро закончены последние приготовления военных судов к плаванию, увеличено число этих судов посредством добавления к новым и сильным броиеиосцам «старых суидуков». Великая армада,— такая же громадная, такая же громоздкая, иелепая, бессильиая, чудовнщная, как вся Российская империя,— двинулась в путь».

«Аврора» оказалась также в составе «великой армады».

Командовал «Авророй» капитан 1-го раига Е. Р. Егорьев, опытный, храбрый, иницнативный морской офицер. Во время перехода эскадры на восток он сделал многое, чтобы хоть в какой-то степени подготовить «Аврору» к встрече с грозными силами противиика. В частности, одним из проявлеиий иеподготовленности кораблей эскадры к боевым действиям была исключительно слабая пожарная защита. На кораблях было много деревянной мебели, обивки, и достаточно было одиого удачного попадаиия, чтобы корабль вспыхнул, как факел. Поэтому Егорьев приказал жизненно важные части корабля, а также трубопроводы и паропроводы иакрыть стальными деталями, якорными цепями и т. д.

Все это было сделаио иастолько удачно, что командующий эскадрой адмирал З. П. Рожественский во время похода издал приказ, обязывавший всех старших офицеров и артиллеристов осмотреть «Аврору», чтобы перенять опыт. Но, с другой стороны, Егорьев был типичным сыном своего времени. Положение «нижних чинов» на «Авроре» было таким же тягостным и унизительным, как на любом другом корабле царского флота. А. М. Плешков, молодой инженер-механик, зачисленный в экипаж «Авроры» за несколько месяцев до отправки эскадры на восток, писал: «Раньше много слыхал о молодцеватости матросов; но здесь был поражен арестантским видом команды, одеты почти всегда страшно грязно; лица бледные, одутловатые... работают минимум с 5 ч. утра до 8 ч. вечера; праздники мало отличаются от буден». А через два месяца своей службы иа «Авроре» Плешков делает в своем дневнике такую запись: «За это время я успел уже видеть одно наказание розгами, а поставить на 4 часа (под ружье или так) — это считается почти за ничто... На еду была заявлена командой уже несколько раз коллективная претензия командиру... Одним словом, не благоденствует наша «низшая команда».

Плавание эскадры началось в нервозной обстановке. Ходили слухи, подкрепляемые донесениями агентов, что японские миноносцы намерены встретить русскую эскадру в Зундском проливе. Удвоили бдительность, усилили наблюдение, каждую минуту ждали неприятельской атаки, и когда в Северном море, неподалеку от порта Гулль, увидели несколько неизвестных судов, с флагманского корабля «Суворов» был отдан приказ стрелять.

Так произошел печально известный «гулльский инцидент». Эскадра адмирала Рожественского обстреляла мирные рыбацкие суда, приняв их за вражеские миноносцы. Но это еще не все. В общей неразберихе эскадра обстреляла крейсер «Аврора», решив, что это неприятельский корабль. Два снаряда пробили борт «Авроры», один — дымовую трубу, четвертый снаряд разорвался на палубе. В результате два члена экипажа «Авроры» были ранены, и один из них (корабельный священник) вскоре умер.

Почти в каждом порту и на рейдовой стоянке кто-то из моряков становился жертвой несчастного случая. Некоторые сами сводили счеты с жизнью. Причин было много: тяжелые, подчас невыносимые условия труда, жестокая дисциплина, страшные слухи о падении Порт-Артура, тоска по дому, по берегу — ведь многих моряков после выхода из Либавы ни разу не пустили на твердую землю...

Особенно изматывали людей угольные авралы. В дневнике капитана Е. Р. Егорьева мы читаем: «Аврора» грузилась 12 ч., приняв 850 т. Погода была сухая, а поэтому пыли было много — все без исключения почернело моментально. Не жалели ни человеческой силы, ни машин, которыми грузили... Кругом стоял грохот, шум от быстрого передвижения мешков, навешанных на колесных тележках артиллерийской подачи, слышались сиплые голоса людей. Жара и жажда добавляли ужасный вид этого трудящегося муравейника, покрытого грязью и потом. В результате быстрой погрузки двое очень серьезно зашибленных людей и горы угля, которые только через 36 ч. могли быть кое-как прибраны. Завалены были кочегарки, некоторые входы, два жилых носовых помещения; в остальных жилых помещениях образовалась адская температура вследствие закрытия от пыли всех входных отверстий для притока наружного воздуха в корабль. Попорчена масса имущества, а с броненосца «Орел» на пароход-госпиталь был отвезен один человек почти в безнадежном состоянии от обвала угля».

Это была рядовая погрузка угля в порту Дакар, а всего таких погрузок эскадра Рожественского имела более 40, причем значительная их часть производилась не в укрытых гаванях, а на открытых рейдах, на сильной зыби.

В середине декабря 1904 года опередившие эскадру корабли подошли к острову Мадагаскар, где простояли до марта следующего года, поджидая отставших

Здесь впервые за весь переход были проведены учебные стрельбы, причем число отпускаемых снарядов жестоко лимитировалось: не более 3—5 выстрелов на орудие крупного калибра. Командирам кораблей постоянно напоминали, что стоимость одного выстрела составляет 1000 руб. Столь же «заботливо» относился адмирал Рожественский и к судовым двигателям: опасаясь, что при работе на полную мощность паровые машины, котлы и прочие механизмы выйдут из строя, командующий эскадрой разрешал производить маневры только на черепашьей скорости — не более 9 узлов, и таким образом к Цусимскому сражению русские корабли и их экипажи пришли очень слабо тактически подготовленными.

Во время пребывания на Мадагаскаре моряки узнали о поражении России, о падении Порт-Артура, о гибели I Тихоокеанской эскадры...

В одном из писем инженера Е. С. Политовского из бухты Носи-Бе на Мадагаскаре есть горькие, безысходные слова: «Вот мы соединились со всеми кораблями, с которыми расстались в Танжере более двух месяцев тому назад. Здесь все, что осталось у России. Неужели и это бесславно и позорно погибнет? Эскадра еще довольно велика, но будет ли толк? Было больше кораблей, и те или разбиты, или лежат на дне морском. Неужели наши корабли завершат великую трагедию гибели огромного флота?»

...Утром 14(27) мая 1905 года эскадра Рожественского вошла в узкий Цусимский пролив, где ее уже ожидал развернувшийся для боя японский флот...

В Цусимском бою «Аврора», «Олег» и еще несколько крейсеров имели вполне конкретную задачу — защищать входящие в эскадру транспорты от японских кораблей. Первый японский корабль крейсер «Идзуми» показался вблизи транспортов около острова Котсу-Сима через 10 минут после начала боя и открыл по транспортам огонь, но русские крейсеры сумели отогнать неприятельский корабль, и он скрылся. Однако через некоторое время со стороны Котсу-Сима один за другим показались два отряда японских крейсеров в составе 9 кораблей, которые начали обстреливать «Аврору», «Олега» и транспорты беглым огнем с расстояния 50—60 кабельтовых. Русские крейсеры отстреливались, но тяжелых повреждений противнику нанести не могли.

Вскоре японские крейсеры пристрелялись, и их снаряды начали точно ложиться в правый борт «Авроры». В 3 ч. 12 мин. дня осколком 75-мм снаряда был убит командир. (Впоследствии матросы вырезали кусок брони рубки, пробитой вражеским осколком, от которого погиб Егорьев, сделали рамку из досок обгоревшей палубы корабля, поместили в эту рамку портрет командира и подарили его семье погибшего. Сейчас этот необычный портрет демонстрируется в музее «Авроры».) Другой снаряд перебил бронированный кабель электрического управления рулем. Корабль сразу превратился в беспомощную мишень и немедленно попал под ураганный огонь. И в этой, казалось бы, безвыходной ситуации на «Авроре» был совершен первый подвиг: электрик Андрей Подлесный, не дожидаясь команды, под неприятельским огнем бросился в боевую рубку, нашел повреждение и вернул крейсеру способность управляться. Пример мужества и хладнокровия показал комендор Аким Кривонос. Когда неразорвавшийся вражеский снаряд упал рядом с пороховыми запалами, Кривонос без секунды колебаний бросился к снаряду и швырнул его за борт. На батарейной палубе загорелись пачки патронов. Кривоноса контузило, но он вместе с товарищами сумел быстро ликвидировать опасный пожар. Аким Кривонос не дожил до окончания боя: в тот же день он погиб от осколка снаряда.

Члены экипажа «Авроры» выполняли свой долг мужественно и доблестно. Раненых артиллеристов невозможно было оттащить от орудий: пока хватало сил, они продолжали вести огонь.

Судовой врач «Авроры» В. С. Кравченко вспоминает: «Нельзя было не любоваться нашими авроровцами. Несмотря на ужасную картину разрушения вокруг, близость смерти каждого, все работали лихо, дружно, весело, с хладнокровием просто поразительным... С такими людьми чудеса можно делать, дайте им только средства, обучите их».

Геройски вели себя машинисты и кочегары. Хотя в машину и кочегарку попаданий не было (за исключением попадания во вторую угольную яму), работать в трюме корабля было невыносимо: первая и вторая дымовые трубы имели большие пробоины, вентиляционные трубы во многих местах были перебиты, тяга упала настолько, что удерживать пар было практически невозможно. Стояла чудовищная жара, вентиляторы вместо чистого воздуха нагнетали дым и пороховые газы. Люди теряли сознание, но никто не покидал боевых постов. Так, благодаря мужеству и стойкости машинной команды крейсер сохранил свою подвижность, маневренность, и это в конечном счете спасло «Аврору».

Бой длился до вечера. И только после того, как японское командование бросило новые силы — миноносцы,— командир отряда крейсеров дал приказ отходить. Крейсеры «Аврора», «Олег» и «Жемчуг» сумели оторваться от кораблей противника, а когда стало ясно, что во Владивосток не пробиться, командир отряда принял решение идти в нейтральный порт Манилу.

В Цусимском бою «Аврора» получила 18 прямых попаданий. В носовой части корпуса залило угольную яму, корабль накренился на правый борт. Пострадали мачты, трубы, вышло из строя пять орудий, а одно вообще было снесено за борт. «На палубе кругом,— писал судовой врач В. С. Кравченко,— виднелись следы ужасного разрушения: все было смято, разворочено, торчали исковерканные стальные листы, валялись обломки, зияли дыры, все было изрешечено мелкими осколками».

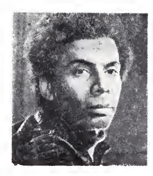
В бою погибло или впоследствии умерло от ран 15 человек, а всего пострадало 99 моряков.

Так закончилась юность «Авроры». Рядовой, необстрелянный крейсер русского флота выстоял, выдержал все: и невероятные трудности перехода на край света и кровопролитный бой с превосходящими силами врага. Корабль вырвался из когтей смерти и теперь полным ходом шел на родину, где за горизонтом лет его ожидало бессмертие...

С. БЕЛКИН

Джеймс Паттерсон

Летели, как искры, мгновенья...

В августе 1899 года в сибирском селе Ермаковском при участии Ленина, Кржижановского и других был принят и подписан «Протест Российских социал-демократов».

Все дышит развязкою близкой.
Минуты, как влага в горсти,
но даже врачу Лепешинской
больного уже не спасти.
Его, горячо убежденного,
словами не обмануть...
На сына, еще не рожденного,
ему бы хотелось взглянуть,
победного съезда Советов
взглянуть бы на зал штормовой,
на позунги новых декретов,
на зорких советских полпредов,
и там на одном из рассветов
включиться, волненье изведав,
в субботник страны трудовой...
Он слышал: кукует в гостиной
кукушка настенных часов,
на срез вековой древесины
записан прилив голосов...
Ему помогли приподняться,
Ванеев дышал тяжело,
в его ослабевшие пальцы
перо непослушно легло.

Царизм был ему ненавистен.
И здесь, у подножия гор,
он росчерком собственной жизни
ему подписал приговор.

Вазаиха

Здесь водится медведь лохматый,
а чаща леса так тиха.
Сам заповедник, как сохатый,
задумчив, вскинувши рога.

Продутая ветрами всеми,
познав сквозной озноб и зной,
как судна старого форштевень,
скала взметнулась надо мной.

Напев естественной мозаики...
В ней не отыщешь ты изъяна.
Отражены в реке Вазанхе
отроги древние — Саяны.

Но столько совершенной пластики
Вдруг появилось на свету!
И красные пылают галстуки
у гор и речки на виду!

Глаза от солнца прикрою ладонью,
приглажу волос непослушные пряди.
Я себя барабанщиком помню
в лагерном пионерском отряде.

Может быть, я, подобно бойцу,
молчалив и возвышен,
волгоградскую вахту несу
у памятника погибшим!!
Или, ступив на почву впервые,
сильным солнцем нагретую,
там, на площади в Браззавиле,
с детством моим я беседую!
Или вместе с другими подростками,
чьи-то угрозы не ставя ни в грош,
в Сантьяго, плечом к плечу со взрослыми
я сражаюсь — чилийский Гаврош!..

Детство мое — шорох шагов.
Мне кажется, что спозаранок
ты, словно озеро из берегов,
незаметно вышло из рамок.

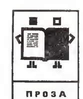
Поет ансамбль чилийских комсомольцев «Килапайюн»

«Килапайюн» — на языке местных индейцев означает «три бороды».

Они становились в поющий ряд
с кожею, тронутой медью загара,
напоминая тех бойких ребят
из бригады Рамоны Парра...
Но слух полоснуло
внезапной вестью,
Когда находились вдали от дома,
и флейта,

Передавалась дрожь вехи.
Учитель сочинял стихи,
как часовой на вышке голой
весной полярною стоит,
и мечется на нем накидка,
и ледяной пузырь гудит.
А Тося молоко сбивала,
в листе капустном продавала.
Солила грузди, валуи.
Таскала на себе картошку.
Учитель подарил ей брошку,
но не было у них любви.
Оглобли в космосе нагие
торчали. Воздух настывал.
Поля, могилы дорогие
снег белорусский заметал.
Пустой паром к лозе приткнулся.
Над спящей Дриссой снегопад
как будто снизу вверх тянулся.
И утешал учитель взгляд
мерцаньем вороненой стали.
Немного он привез с войны —
гул обвалившейся стены
и две солдатские медали.
Есть тихий город Люблинец.
Там взвод залег под обелиски.
Изящный браунинг бельгийский
в снегу отдал ему мертвец.
Изделье фирмы знаменитой.
И тянется короткий ствол,—
как фокстерьер к норе разрытой...
Затвор оттянут. И вошел
патрон. И тяжесть на ладони.
— Ублюдок! На рожон не лезь...
А было жаль, что нет погони,
и меткой банды нету здесь.
Любил заглядывать он в дуло.
Оттуда, как из склепа, дуло.
Он долго привыкал смотреть,
как до поры бессильна смерть.
Когда безлюдье, ветер, осень,
он в сумерках один бродил.
Он даже номер полюбил —
сто сорок три сто сорок восемь.
Он выходил в ночную тьму —
никто не подойдет к нему!
Кой-где тогда еще стреляли.
И был приятен холод стали.
Он был в оружие влюблен.
Поэт обязан быть мужчиной.
Перед судьбою — беззащитный,
умнее правды не был он.
И тайная горчила дума,
когда заглядывал он в дуло.
Он не боялся никого.
Как бы невидимые волны
глухой угрозой были полны
и расходились от него.
Однажды чистил... И стряслося.

Подпрыгнул кот! Проснулась Тося.
Учитель жалко ей соврал,
что гильзу вилкой ковырял.
Прошла зима. И в грусти нежной
бродил он слякотью безбрежной.
Приходит с оттепелью грусть.
Открытая земля оттает,
и жалобно сожмется грудь —
все будет, а тебя не станет...
И лед поплыл! Ученики
не отходили от реки,
ведь было радостей не много.
— Налезла, как на телку бык,—
шептал учителю старик
и вдруг откашливался строго.
«Когда весной разбитый лед
рекой взволнованной идет»,—
он в класс читал. И слышал он:
о льдину ударялась льдина.
Стране, как вера, как закон,
поэзия необходима.
Смотрел в окно... Блеснув ребром,
осколок всплыл и погрузился.
И чернозем воды напился...
И снова заскрипел паром.
Везли солярку, сено, почту.
Дрожал канат... Однажды ночью
мой друг услышал Тосин плач.
Спросонья он туда рванулся.
Увидел их... Назад метнулся.
И ствол блеснул. Глаза не прячь!
Открылись рты. Влетела в хату
оса... Никто уже не пьян.
В руке как будто бы наган.
Другая — тянется к ухвату.
Зверью учитель крикнул: — Вон!
А левая рука искала
ухват... И пустоту хватала.
И поняли: — Не стрелит он...
В лицо — дыханье морды сытой.
— Не стрелит! — Побледнел цыган...
Изделье фирмы знаменитой
учитель затолкал в карман.
И выгнал их, громя ухватом!
Но разговор пошел по хатам.
Блюститель местной тишины
наведался случайно к Тосе.
К соседу жадному под осень
был зван учитель на блины.
А не осталось ли с войны
ну там какая железяка,
чтоб не глушить дубиной хряка...
Холодный ветер дул с Двины.
Летела по небу солома.
Прощай! И вечером с парома
трофейный дамский пистолет
в стремнину уронил учитель.
И понял он, что беззащитен,
каким и должен быть поэт...

РОДЕО ЛИДЫ КАРЯКИНОЙ

ПОВЕСТЬ

I

Второй такой чудачки, как Лидка, наверное, больше и на свете нет. Таких поискать! Начать с того, что она вообще не похожа на прочих девчонок. У нас в классе все девчонки как девчонки. Танцами увлекаются, спортом. Прически все носят одинаковые, как у Лизы Мокиной. Лизочка — первая модница, тон задает. Разговоры у них в основном о платьях, о «фасончиках». Такие уж у нас девчонки. Не знаю, может быть, они и везде такие? Впрочем, вряд ли... А Лида Карякина резко отличается. Спортом, правда, она тоже занималась, только недолго.

Помню, в седьмом все мы до единого увлекались лыжами. Даже трамплин довольно высокий за школой построили. Мечтали о горных лыжах — извилистые трассы, скоростной спуск... Всем классом ездили за город на тренировки, одна только Лида Карякина записалась в акробатический кружок. Девчонки тогда шумели, возмущались, дружно осуждали Карякину. Считали, что это она нарочно, в пику нам устроила. Мы ведь мечтали всем классом на лыжных соревнованиях выступать, всем коллективом. Класс-чемпион!.. И вот Лидка нам все испортила. Не только из лыжной секции ушла, еще и Гайдукову за собой потянула. А Гайдукова Рая у нас в первой пятерке была на стометровке. На длинной-то трассе Рая отставала, дыхание не умела держать, что ли... За Гайдуковой ушла и Лена Ситникова. Еще бы, подружки неразлучные. Словом, началась катавасия: уходил то один, то другой. Сорвалась вся наша затея! Стояли холода, и ездить на тренировки за город не всякому-то улыбалось. Распалась наша дружная коман-

Рисунки
Г. МАЦИЕВСКОГО.

да. И на соревнованиях мы заняли семнадцатое место из двадцати шести — результат незавидный А началось ведь все с Лидки!

Зато уж и потеха была, когда Лида и Рая выступали со своими акробатическими номерами! Было это на вечере семиклассников Объявили номер: «Карякина и Гайдукова, акробатический этюд...». Сначала на сцену выскочила Рая, толстенькая коротышка. Костюм на ней зеленый, в обтяжку, ни дать ни взять — арбуз. Небольшой такой арбузик, коротконогий, крепенький. Прошлась колесом по сцене, сделала реверанс, улыбнулась. Все это как-то ловко у нее выходило, мы даже поаплодировали немного, так, из приличия.

И тут выкатилась Лида Карякина. Колесом выкатилась. Только ломаное какое-то колесо у нее получилось, вихлястое. Скорее ромб, чем колесо. Карякина у нас чуть ли не самая длинная из девчонок, нескладная такая, тощая И лицо у Карякиной тощее да длинное. Сердитое, будто недовольное чем-то лицо. Челка — чуть ли не до глаз, остальные волосы кое-как мотаются за плечами. Сразу видно, прической Лида не особенно занималась А может, не получалась у нее прическа. Не знаю, отчего это, только почти все, что делала Карякина, выходило очень смешно...

Вот и сейчас: что это было за «колесо»! Лидка изламывалась вбок, хватала руками пол, длинные ноги вздымались, некоторое время болтались в воздухе, потом снова — излом вбок, снова — кувырок. Мы хохотали до упаду. А когда Лидка сделала стойку на руках — вот это была картина!.. Стойку делала она лицом к публике, длинная, нескладная жердь. Толстенькая Райка была рядом и в такой же позе. Но все смотрели только на Лидку Особенно смешным было лицо!. Перевернутое, злое от напряжения, оно медленно багровело. Волосы бахромой свешивались до пола. Мы хохотали, хлопали, что было мочи.. Тут обе акробатки вскочили на ноги и сделали реверанс. У Раи это получилось нормально, а Карякина развела свои тощие руки с растопыренными пальцами, присела резко, будто сломалась. В этот момент она напоминала зеленого кузнечика. сплошные ломаные линии, и длинная голова вертится направо-налево, кивает. Умора, да и только.

После, когда обе акробатки ускакали за сцену, мы еще долго потешались, орали «бис», и конферансье Андрей Горяев никак не мог объявить следующий номер.

После того выступления Рая Гайдукова накрепко рассорилась с Лидкой и даже пересела от нее на другую парту. Осталась Карякина одна. Только это, видно, не слишком ее огорчило. На освободившемся месте Лида вольготно раскладывала учебники, карты, чертежи и всем своим видом показывала, как ей теперь здорово живется: комфорт, да и только! А лицо злое...

И еще одна черта мешала Карякиной: правдолюбие. Нет, вы не подумайте, я сам не люблю вранье, да и кто же его любит! Только у Карякиной и правдолюбие было нелепое. Встанет, бывало, на классном собрании и давай кого-нибудь обличать!. Раз как-то привязалась к Сидорову: зачем-де он врет? Сидоров у нас самый отстающий, просто злостный двоечник. Что с него возьмешь? Сидит себе на последней парте, похохатывает. Ему на все наплевать. А Карякина-то разоряется:

— Ну скажи, Сидоров: почему ты всегда врешь? Вот вчера, например, вызвал тебя физик, и ты, конечно, ни в зуб ногой. Ну, просто в руки не брал учебника. Так бы и сказал; не учил, не хотелось, на каток бегал или там еще что. Не знаю, правда, чем ты там занимаешься...— Карякина презрительно скривила нос.

— Он в гости к дяде ходил!— крикнул длинный Андрюшка Горяев

— Правда, к дядюшке в гости, на блины,— поддержали ребята.

— «Мой дядя самых честных правил,— не умолкал Горяев,— когда не в шутку занемог...»

— Ну так и сказал бы: к дяде в гости ходил. А ты наврал, что у врача был. Не понимаю, зачем надо врать. Как только не стыдно?

— Ложь во спасение,— подсказал Горяев.

— Вот-вот, во спасение.. — сразу ухватился Сидоров

Сказал и озирается, смеются ли его шуточке. Тут все заспорили о том, допустима эта самая «ложь во спасение» или нет. Приводили разные примеры, дело дошло до анекдотов И все посмеивались над Карякиной

— Я считаю, что врать нельзя! — крикнула Лида.— Потому что где ложь, там..

— Где ложь, там неправда,— буркнул Вадик Спицын.

И все снова покатились со смеху.

— Что смеетесь? — выходила из себя Карякина — Именно, где ложь, там и неправда!.. Неправда — в смысле несправедливость. Где ложь, там не может быть никакой справедливости! А что может быть хуже, чем... чем...

И вдруг она закрыла ладонями лицо, потом схватила свой портфель — и вон из класса. Мы так и не доспорили тогда...

Позже я узнал, что несправедливости всякой выпало на Лидин век достаточно. Хотя бы то, что в раннем детстве ее бросил отец. Сначала увез с собой, оставив мать с маленьким Мишкой, а потом — видно, Лидка ему надоела — посадил дочку в вагон, сунул билет в руку... Словом, отправил ее обратно к матери А той и без Лидки тошно. На руках Мишка годовалый, средств никаких нет...

Но все это я узнал позже, а тогда, в школе, ужасно нелепой мне эта Лидка казалась. Вызовут ее к доске, идет Карякина хмурая. Вытянет руки по швам, повернется лицом к классу и забурчит:

— Я ничего не выучила.

— Почему?— удивляется педагог.

— По домашним обстоятельствам.

— Да ну? Что же за обстоятельства такие? — спрашивает преподаватель.

— Стирки накопилось.

Ну, тут, конечно, смех, шуточки начнутся разные. Ставят двойку Карякиной, бредет Карякина к себе на место. Вообще-то училась она ничего, средне. Бывали и четверки. Но случались и двойки. Всего бывало понемножку.

Собственно, Карякина мало кого интересовала и уж, во всяком случае, не меня. Мой друг и сосед по парте Витька Голубев тоже посмеивался над Лидой и даже прозвище ей придумал: «Секлетея». Правда, это осталось между нами. Понимали, что кличка обидная.

— А, в сущности, почему? — разводил руками Витька.— Секлетея — нормальное христианское имя! Классическое, можно сказать!

Сам-то Витька чуть ли не с первого класса отзывался на кличку «Дельфин». Лицо Витькино и правда напоминало дельфинье рыльце. Круглое, усмеш-

ливое такое, и нос клювиком. Глазки блестят — карие, веселые дельфиньи глазки. И фигура у Витьки соответствующая: невысокий, плотный, с круглой, сутуловатой спиной. Этакий чебурашка-дельфинчик.

Когда осенью наша семья переезжала на новую квартиру, Витька помогал таскать вещи. Не успели мы с ним втащить в подъезд холодильник, видим — идет навстречу Карякина. Вот это номер!

— Ты что тут делаешь?! — удивился Витька.

— Ничего. Я тут живу,— хмуро ответила Карякина и прошла мимо, болтая пустой авоськой.

Оказывается, Карякины жили в соседней квартире.

Нам дали две комнаты. Третью занимала Юлия Михайловна, работник какого-то большого учреждения. Делопроизводитель. Днем все мы расходились по делам, вечером толпились на кухне. Мы предпочитали питаться на кухне, чтобы не таскать кастрюли с едой туда и обратно. Я был против, мне всегда нравилось кушать не спеша, в одиночестве, но мама сразу прикрикнула:

— Это что еще за фокусы?! Комнату пачкать не позволю! К тому же там чертежи!

Строгие у меня родители. Оба инженеры, работают вместе на станкостроительном заводе. Отец сейчас в долгосрочной командировке на Урале, и поэтому, наверное, мама строга за двоих. Я единственное дитя. У нас и правда всюду чертежи. На столе, на двух больших чертежных досках. Свитки чертежей и рулоны кальки громоздятся на шкафу. Хотя мне для жительства отвели вторую, маленькую комнату. Это было здорово — получить собственную комнатенку. Я навел там блеск, привинтил книжные полки, установил проигрыватель — словом, зажил в свое удовольствие. Мы с Витькой вместе готовили уроки, а после часами разговаривали, и никто не мешал нам. Никто не гнал, не кричал: «Эй, вы, там, потише!» Полная свобода.

Как-то раз Виктор и говорит:

— Слыхал новость? Карякина уходит из школы То есть окончит восьмой — и все. Отучилась наша Секлетея. Кончила курс наук.

— Вот оно что! То-то, слышу, на кухне споры да раздоры, общее собрание жильцов. И мать Лидки на что-то больно разоряется...

— Что, Карякины знакомы с вашими?

— Тетя Аня ведь медсестра. А Юлии Михайловне нашей прописаны какие-то уколы. Хотя, помоему, она здоровяк... Значит, Лидка бросает школу? А мне и невдомек.

— Отстал ты, братец, отстал. Дальше носа своего ничего не видишь.

— А ты-то откуда узнал?

Витька ухмыльнулся.

— От самой Карякиной. Спрашиваю: «Правда, что ты школу бросаешь?..» «Ну, бросаю, а тебе-то что?..» — отвечает. Смотрит на меня, как бешеная килька, я уж сам не рад, что спросил.

— Н-да, история... А все-таки, с чего ты спросил-то? Сорока на хвосте принесла?

Витька покрутил своим дельфиньим носом.

— Интуиция, брат, интуиция!..— Он как-то сразу сделался серьезным.— Вообще-то я Секлетею понял. Все тут ясно: брат—малыш, отец в бегах, мать замучилась совсем, того и гляди, откинет копыта. Поневоле задумаешься о хлебе насущном. Так что Секлетея, пожалуй, права. Пора зарабатывать.

— Не откинет,— перебил я.— Тетя Аня еще ничего, тянет. Шустрая. В поликлинике ее ценят...

Больше в тот вечер мы о Карякиной не говорили.

2

Лидина мать дома почти не бывала, и первоклассник Мишка до самого вечера ошивался в школе, в группе продленного дня. Понятно, зарплата медсестры невелика, приходится браться за любую сверхурочную работу. Ночами она дежурила у тяжелобольных, делала уколы больным на дому, иногда и вторую смену отрабатывала за других. И все-таки денег не хватало. Это сразу видно было по истрепанному Лидкиному пальто с искусственным воротником, по разбитому вдрызг рыжему Мишкиному портфелю.

— Интересно, платит он им алименты или нет,— рассуждала на кухне Юлия Михайловна.— Что-то уж очень, гляжу, Анна надрывается. А толку чуть

— Не знаю, право.— Мама устало перемывала тарелки.— Все это как-то мне в голову не приходило.

— Как же? — возражала Юлия Михайловна.— На то существует закон. Бросил семью — плати. Вот бы узнать, платит он им или нет.

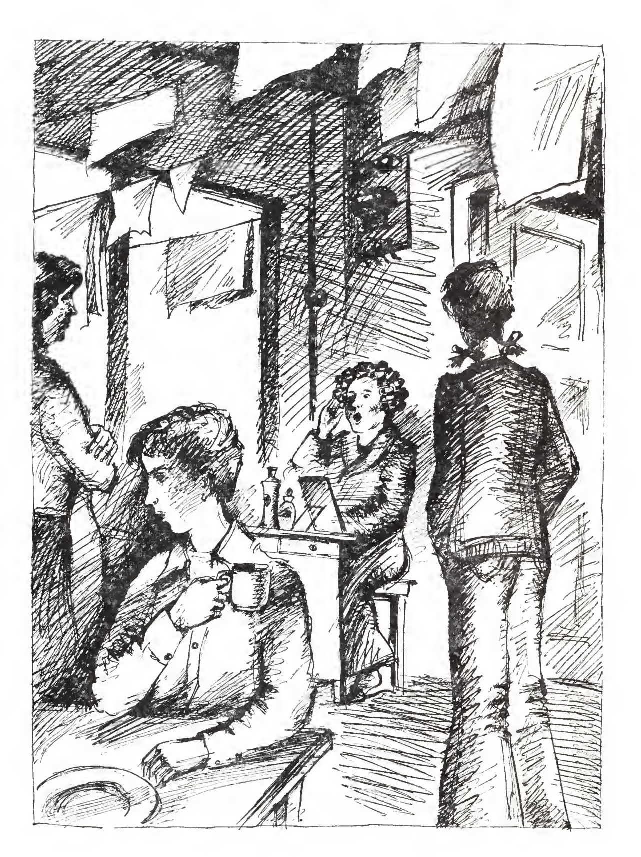
Юлия Михайловна очень хорошо знала все законы. Даже до тонкостей. Наверное, делопроизводителю так и положено — знать законы. Во всяком случае, точно могу сказать, что самой-то Юлии Михайловне это знание законов явно пошло на пользу. Она всегда знала, как отстоять свои права, знала, где, когда и что можно получить. А получить, оказывается, можно многое: тут и бесплатные путевки, и тринадцатая зарплата, и разные там премиальные, и подарки по случаю праздников, профилактории, санатории — всего и не перечесть.

Юлию Михайловну из года в год выбирают в члены месткома, она активная общественница.. Но я просто обалдел, когда увидел, как тщательно Юлия Михайловна соблюдает различные диеты и режим дня, как она следит за собой. Например, после работы обязательно спит два часа. Так вот, попросту ложится на спину, закрывает глаза и спит. Среди бела дня. И ровно через два часа просыпается. Раньше я думал, что такая самодисциплина может быть разве только у космонавта Зато по вечерам эта сорокапятилетняя женщина полна энергии. Розовое лицо лоснится от крема, на голове сквозь реденькие обесцвеченные кудряшки просвечивает розовая кожа. Сидит на кухне за своим столиком, застеленным цветастой клеенкой, и поучает, без умолку поучает:

— Перед сном наедаться не следует! Ни в коем случае. Кефирчик, один кефирчик и больше ничего. Кефир стимулирует кишечник, а пищеварение — прежде всего! Утром — пожалуйста! Котлеточку, немножко гарнира, яблочка половинку. Ты вот, Сережа, уже второй кусок маслом намазываешь. Положи обратно, воздержись. Даже в твоем возрасте излишества вредны. Атеросклероз, радикулит, подагра...

И все в таком роде. Я даже стал бояться на кухню выходить. Сначала прислушаюсь, а потом уж выхожу ужинать. Но когда тетя Аня пришла и пожаловалась нашим, что Лида хочет бросить школу, на кухне такое началось! Тут и моя мама, и тетя Аня, и, главное, Юлия Михайловна — все дружно наседали на Лидку, которую позвали специально — для переубеждения. Особенно Юлия Михайловна.

— Ты сама понимать должна,— вкрадчиво говорила она.— Матери трудно. Все она отдает детям. Мишка маленький, единственная надежда на тебя. Вот мать радовалась: два годика потерпеть осталось, а там, бог даст, в институт поступишь, стипендию приносить начнешь. Глядишь — и специа-

лист. Как же ты не понимаешь, что без десятилетки ты не сможешь стать полноценным членом общества?!

Лидка бурчала в ответ что-то нечленораздельное. Она так умела — буркнет себе под нос, ни то ни сё. Что-то среднее между: «А, пошел ты в баню» или «А я почем знаю». Понимай, как хочешь...

— Ты только подумай,— не отставала Юлия Михайловна,— какие условия для вас, ребят, созданы! Светлые классы, спортзалы, все сыты, одеты. Как тут не учиться! Да разве мы в наше время так жили?! — Тут Юлия Михайловна отхлебнула из своей большой кружки молока, закусила кусочком бисквита и старательно вытерла бумажной салфеткой рот.— Мы и голодные и босые в школу бегали. Мы...

— Ну, положим, босиком-то все-таки не ходили,— вмешалась мама.

— Да что вы, ей-богу... Если уж тапки брезентовые за обувь считать...— Юлия Михайловна снова поворачивалась к Лидке, снова впадала в поучительно-торжественный тон.— Все дороги для вас открыты. Учиться вы должны, вы просто обязаны учиться...

— А она обязана? — Лидка хмуро кивала в сторону матери

Та молча и скорбно сидела в углу. Чашка остывшего чая стояла на краешке стола.

— Чего обязана? — переспрашивала Юлия Михайловна.

— Вкалывать обязана? Всю жизнь вкалывать, значит, а я учиться буду. За чужой-то счет...

Лидка стояла, прислонившись к дверному косяку, смотрела мрачновато, исподлобья.

— Разве мать чужая тебе? — повысила голос Юлия Михайловна. — Ты не должна так обижать мать, запомни это!

— Ну, мам, я пошла.— Лидка резким кивком попрощалась со всеми, вышла.

Я догнал ее у самых дверей.

— Ты что, и вправду из школы уходишь?

Отвернулась, надменно задрала нос.

— Ну и что? Если даже и ухожу, так что?

— Да так... Как-то это бессмысленно получается...

Карякина слушать не стала, выскочила, хлопнув дверью перед самым моим носом.

Я ушел в свою комнату, принялся за уроки. Но почему-то все время думал о Лидке. Задумался и о жизни вообще. Если присмотреться к жизни — замечаешь, какая она у всех разная. И люди разные, и судьбы их, и даже внешний вид. Резко друг от друга отличаются. А когда-то тоже в классах сидели и были, как мы, школьниками... И еще подумалось мне, что сейчас, в восьмом, и наступил тот самый момент, когда каждый начинает сворачивать на свою собственную дорожку. Вот она, развилка; мы уже добрались до нее. Теперь начнем разбредаться, кто раньше, а кто чуть позже. Разница невелика. Потом когда-нибудь встретимся и, чего доброго, даже не узнаем друг друга... Как-то раньше я об этом не думал, тем более, что мой-то путь ясен: наверное, буду инженером, как отец и мать. Это главное...

Меня позвали к чаю. На кухне ситуация изменилась. Теперь Юлия Михайловна почему-то уговаривала тетю Аню, что Лидке просто необходимо устроиться на работу.

— Девочка молодая,— пела Юлия Михайловна,— ей и одеться хочется и погулять. Ее тоже понять надо... Ну, поучилась, и довольно. Я, бывало, тоже науки терпеть не могла. И сейчас-то, как раскрою книгу, так и засну...

— Да что вы, Юлия Михайловна...— Тетя Аня вытащила из кармана платочек, приложила к глазам. Нос у нее был распухший.

— Как это вы говорите, Юлия Михайловна,— вмешалась мама.— Вот если бы ваша дочь...

— Моя дочь, слава богу, замужем И удачно: муж — завгар, сейчас вот в трехкомнатную переезжают... Я считаю, расстраиваться незачем, все к лучшему. Ну, поработает девочка, что тут такого. Каждому свое. Может, сын образованным станет. Мой вам совет, Аня, надейтесь на сына, раз уж так получилось..

Юлия Михайловна только что закончила массаж лица и теперь промокала кожу бумажной салфеткой; скомкала салфетку, нагнулась к маленькому зеркальцу на столе, оттянула пальцами левое веко.

— Опять ячмень. Досада какая! Простудилась, что ли? Или обмен? Обмен, не иначе. Лыжами заняться срочно. Что-то я в этом году отстаю. Пойдемте вместе на лыжах, Мария Николаевна!

Моя мать торопливо чистила картошку — готовила на завтра обед. На сковородке что-то шипело.

— Да некогда, Юлия Михайловна И потом у меня костюма нет.

— Костюмчик чудный я себе выбрала,— оживилась Юлия Михайловна.— С полосочкой тут и вот тут, просто прелесть! Пошли мы вчера, месткомовцы, и купили себе по костюму. Я померила — как хорошо! Нам пять костюмов положено в год, ну, как раз нас четверо. Расписались и разобрали по домам. Один — на всякий случай, про запас...

— Значит, казенные костюмы? — удивилась мама.— А вдруг порвете? Как же тогда?. И ведь костюмы-то на всех, на случай лыжной вылазки?

Юлия Михайловна выдвинула ящик стола, забросила туда зеркальце и тюбик с кремом

— Порвем — спишем. Списываем все равно каждый год. И что значит — на всех? Мы ведь тоже сотрудники. Расписались и получили в личное пользование.— Она хихикнула.— Фаина Петровна, старшая наша, толстая, как домна. Размера такого не было, так она для племянницы взяла...

— Это же нельзя, ведь нечестно! — высказался я.

— Допил? Ступай домой, не мешай,— распорядилась мама.

— Почему нечестно? — спокойно возразила Юлия Михайловна.— Для сотрудников — стало быть, для нас. Да еще и покупаем, заботимся. Мы — общественники. А без нас никому и дела нет. Всю работу на нас взвалили...

— Ну, я пошла.— Тетя Аня встала, забрала свой медицинский чемоданчик.— Так это был последний укол, Юлия Михайловна. Десятый. Ваш курс закончен, завтра зайдите, покажитесь врачу. Мне кажется, вам назначат вливание алоэ.

— Вызову на дом,— решила Юлия Михайловна

— Что вы, это нельзя, терапевт наш занят по горло, сорок вызовов на день. Вы же не температурите...

— Пустяки,— отмахнулась Юлия Михайловна.— В конце концов у меня давление. Не сидеть же там в очереди.

— У нас процедурная пропускает быстро, запишитесь только к терапевту.

Лицо Юлии Михайловны как будто окаменело. Широкое, чуть раскосое, с выпяченным подбородком, неумолимое лицо.

— Да что вы мне там говорите! — вспылила она.— Человек больной, с давлением — и на дому обслуживать не хотят! Это же безобразие! Посмотрите,— она обращалась к маме,— что такое творится! Вот бы Танечку Тэсс бы сюда! Материал для фельетона — первый сорт! Написать ей, что ли?

Я даже фыркнул: имя знаменитой журналистки называет запросто, будто та приходится ей ближайшей родственницей... К тому же она пишет не фельетоны, а очерки.

— Какой же тут материал? Тетя Аня права,— не выдержал я.— Терапевт наш, ясно, перегружен. Микрорайон большой, тут уж не «микро», а...

— Сережа, ступай домой,— сухо сказала мама.— Принимайся за уроки!

Я вышел вместе с тетей Аней, проводил ее до двери и подал пальто. Пальто она набросила на плечи—квартира-то рядом. В руке чемоданчик со шприцами, в другой руке — увесистая сумка, из которой торчат буханка хлеба и тяжелая бутыль с подсолнечным маслом. Брикеты пельменей, маргарина, еще чего-то там — словом, набито битком, с полпуда наберется. И как она только тянет, такая маленькая, невзрачная — не пойму. В дверях задержалась, зашептала жалостно:

— Сережа, милый, поговори ты с Лидкой, пожалуйста... Может, ты на нее воздействуешь, уж я очень прошу, поговори...

— Да я что же.. Я готов, только вот она не больно слушает. Она знаете какая...

— Да знаю, знаю,— закивала тетя Аня.— Ты все-таки побеседуй...

Я обещал, но, честно говоря, не очень-то верил в успех зтого дела. Почему-то я больше надеялся на Витьку.

3

В марте в нашем классе случилось ЧП: Карякина прошибла голову Вадиму Цыбульнику. И сделала зто она при всех, прямо на классном собрании. Тут и родители Цыбульника присутствовали.

Цыбульник поступил к нам зтой осенью. Здоровенный такой детина, красивый, румянец во всю щеку, самый лучший в классе спортсмен... Учится Цыбульник хорошо, одежка на нем всегда первый сорт — форма на заказ, башмаки на платформе, свитера самые дорогие, часы какие-то необыкновенные... Сразу видно, обожают родители своего Цыбульника, души не чают.

И вдруг один второклассник пожаловался отцу, что Вадим отбирает у него двугривенные. Каждый день по двугривенному. Мальчишка зтот уж и в буфет перестал ходить; утром, как явится в школу, наш Вадим тут как тут: гони монету! И не только у него одного отбирал. И у других тоже: все из первого, второго и третьего классов. Дальше — больше. Первоклассник Мишка, братишка Карякиной, объявил, что Цыбульник время от времени собирает всю зту малышню, загоняет на лестничную площадку около чердака и муштрует так и сяк. Заставит, например, на четвереньках ползать — и ползают. Все в ряд, один за другим. А то еще придумал такую игру. Выстраивает ребят в затылок и велит тому, кто стоит в хвосте, лупить по голове впереди стоящего Тот, в свою очередь, бьет следующего, и так далее. Причем требовал, чтобы били всерьез, по-настоящему... Жаловаться ребята боялись.

Так продолжалось до тех пор, пока Толик Конкин не рассказал все отцу. Классное собрание объявили в тот же день Отец Цыбульника явился задолго, когда у нас шел урок литературы,— видно, заранее хотел поговорить с классным руководителем.

Мы услышали осторожное постукивание в дверь, потом дверь приоткрылась, и кто-то согнутым пальцем поманил Нину Харитоновну. Она прервала свой рассказ, оглянулась на дверь. Но с места не двинулась, только лицо медленно начало покрываться красными пятнами. Это всегда у нее, когда волнуется...

— Не иначе, папа Цыбульник пожаловал,— громко прошептал Горяев,— я его палец узнал. Начальственный перст!

Девчонки зафыркали.

— Внимание! — сказала Нина Харитоновна.— Продолжаем тему.

И спокойно довела урок до конца.

Сразу после звонка стали в класс прибывать гости: несколько младших школьников, кое-кто из них с отцом или матерью. С Цыбульником пришли оба родителя. Наконец явилась завуч Анна Леонтьевна, и класс заперли изнутри. Кто-то еще стучался, дверь дергали, пытались открыть, но Анна Леонтьевна отпирать запретила. Собрание началось. После того, как Нина Харитоновна кратко изложила суть дела, выступил сам Вадим. И вот странно: он ничуть не смущался... Отбирать медяки у малышей! Да я бы, кажется, сдох от стыда, да и любой из нас тоже. Грязное дело. А Вадим еще улыбался, пошучивал с девчонками. Те и рады — шепчутся, записочки строчат: «Вадим, Вадим, обернись». Хихикают, дуры. Ну, и девчонки же у нас! Хорошо хоть не все такие.

— Неужели, Вадим, ты отбирал деньги? — спросила Нина Харитоновна.— Об зтом ведь даже подумать гадко.

Вадим стоял, небрежно покачиваясь. Руки за спину заложил. Поглядеть на зто свежее лицо, ясные глаза, брови вразлет — прямо образец! Примерный юноша, чистая душа.

— Что вы, Нина Харитоновна. Как вы могли такое подумать? Правда, был у нас тут один замысел... В общем, в кино собирались. Всем, значит, коллективом, так сказать, организованно.. А деньги на кино добровольно они давали, так что не сомневайтесь! Пусть вот хоть Сидоров подтвердит.

— В кино с младшими школьниками? — не поверила Нина Харитоновна.

— Он отнимал ни на какое не на кино,— закричал с места Толик Конкин,— он просто так отнимал, себе брал!

— Мальчик, мальчик, ты ошибаешься,— заговорила гражданка Цыбульник.— Ты что-то спутал. Наш Вадим вовсе не такой!

— Минуточку,— остановила ее Нина Харитоновна,— минуточку, ваше слово впереди.

— Но сами подумайте, какая нелепость! — вспылила мать Вадима.— Не может же на самом деле наш сын, имея постоянно собственные карманные деньги, и, кстати, немалые, польститься на какие-то жалкие медяки! Чепуха зто, вот что!

Ее меловые плоские щеки подергивались, подкрашенные серым веки беспокойно помигивали. Одета зта немолодая женщина была по-спортивному. То есть было в одежде ее что-то такое от спорта: брюки, куртка, отороченная пышными мехами, на голове — белая пуховая повязка. Куртку она расстегнула, стал виден нарядный свитер. Словом, хоть сейчас на Олимпийские игры.

Отец, тот совсем в ином стиле. Плотный, хорошо укомплектованный тюбик, застегнутый на все пуговицы. Добротное бобриковое пальто, шапочка с квадратным козырьком, лицо раздавшееся, будто прижатое сверху неизвестно чем, шапочкой зтой, что ли, и, понятно, глазки-щелки. Такие дядьки обычно попадаются навстречу по вечерам в нашем

сквере собак своих выгуливают. Собаки у них нахальные, носятся, прохожих облаивают.. Пальто и шапочку родителю пришлось снять, но внешний вид нисколько от этого не изменился. Тот же тюбик, только в пиджаке

— А позвольте спросить,— высунулся Горяев,— откуда у вашего сына такие толстые подкожные?

— Что, что? — растерялась родительница

— Карманные-джентльменские откуда? — скромно пояснил Андрей.

Тут завуч Анна Леонтьевна резко застучала карандашом.

— Горяев! Кто тебе дал слово? Что это такое, что с тобой?! Немедленно уймись, или сейчас же выведу!

Атмосфера накалялась.

— Если молодого человека так интересует, я могу ответить,— раздраженным, скрипучим голосом заговорил «тюбик».— Карманные деньги сыну выдаю лично я.— Он помолчал В классе стояла тишина.— Тридцать рублей в месяц, если вас интересует. Хотя это никого не касается. Надеюсь, ясно? Я прошу прекратить нападки на моего сына. И клевету.

Он сел. Железобетонный дядечка.

Слово взяла Анна Леонтьевна.

— Я думаю, в основном это все — недоразумение какое-то...— Она говорила осторожно, почти вкрадчиво. — Конечно, я не отрицаю, что Вадим Цыбульник провинился, нарушил школьную дисциплину И мы примем надлежащие меры. Но стоит ли, з-з... Стоит ли преувеличивать, раздувать инцидент...

— Вот именно,— поддакнула мать Вадима.

— Мы все понимаем, что деньги отбирать Цыбульник не станет. В нашей школе грабителей нет...

Чувствовалось, что Анне Леонтьевне до смерти хочется как можно скорей прекратить это дело.

— Да как же так?! — заволновалась молодая родительница в цветастом шелковом платке. Она сидела на последней парте вместе со своим сынишкой-второклассником.— Как же так? Мой Колька вон что говорит... То-то, замечаю, приходит бледненький, стакана чаю, значит, не выпьет. Деньги-то отнимают! Я думала: в школу ребенок идет — значит, в безопасности. А оказывается — вот что! Не-е, прощать мы не будем!

— Позвольте, позвольте, что значит прощать? — заерзал «тюбик».

— В шею гнать надо! Из школы исключить!— зашумели родители.— Это что же творится!

— Пускай вот Коля все нам расскажет. Расскажи, как было дело, Коля! — распорядилась Нина Харитоновна.

Поднялся Коля, худосочный, зеленый пацан.

— Ну, мы шли в буфет, а Цыбульник догнал нас и говорит... Это, говорит... Деньги чтобы ему отдавать...

— Рэкет,— ляпнул Андрюшка Горяев,— бизнес поамерикански. Ну и ну!

— Горяев! — Анна Леонтьевна шлепнула ладонью по столу

— А потом,— продолжал Коля,— велел идти всем на чердак. И там... это... командовал.

— Клевета! — возмутился Вадим.— Ну, помаршировали немного, физзарядку сделали, это же не во вред!

Наши дуры-девчонки угодливо захихикали. Нравился им Вадим, это ясно. За что? Неужели смазливая рожа так влияет?

— А сам по шее бил! — закричал Коля.

— Он их по шее бил и на коленки ставил. Я сам видал,— раздался из угла солидный детский басок.

И все оглянулись на Мишу Карякина. Он сидел рядом с сестрой

— Пусть хоть он скажет.— Миша указал на Сидорова.— Он видал.

Сидоров смущенно заерзал на своем месте, закрутил головой.

— Так вот в чем дело! — торжествующе изрек родитель Цыбульник.— Теперь понятно. Я хорошо знаю своего сына, но совершенно не знаю этого вот Сидорова! Чувствовал, что здесь чья-то рука. Сидоров! Вот где собака зарыта!

— Сидоров, встань,— с досадой произнесла Анна Леонтьевна.— Еще тебя не хватало. Рассказывай!

Сидоров встал, вернее, вытянул из-за парты свое длинное вихлястое тело. Он всегда так — не встает, а будто лениво выползает куда-то вверх. Такая уж у него привычка; вообще-то Сидоров — крепкий парень.

— А я ничего не видал,— невинно протянул Сидоров.

И первый усмехнулся. За ним, конечно, засмеялись и другие.

— Тише! — прикрикнула Нина Харитоновна.

— Он видал,— повторил Мишка.— Когда их Вадим на чердак загонял.

— Скажи, Миша,— обратилась к нему Анна Леонтьевна,— скажи, у тебя тоже деньги отнимали? Сидоров или Цыбульник?

— Посмели бы,— проворчал Мишка

— Вот как? Так, значит, тебя не тронули?

Мишка засопел.

— Тронули... Только я не дался. Сзади заскочил и — портфелем. Прямо по заду.

Ребята наши снова захохотали.

— Кого?!

— Его. — Мишка кивнул в сторону Цыбульника.— Я ребятам говорил: соберемся и вместе налетим. Побоялись.

— Вот какие порядки в этой школе,— закипятилась мать Вадима.— Теперь понятно, кто здесь главный заводила. Оказывается, Сидоров. Наш сын попал под влияние, он мальчик впечатлительный...

— Да-а, попал в лапы,— подытожил «тюбик».— Этим следует заняться. И если это дело не расследуют на месте, придется мне обратиться в другие инстанции.— Он стал надевать пальто.— Я думаю, все ясно.

— Мне лично многое еще не ясно,— мягко заговорила Анна Леонтьевна.— Но на педсовете мы все это обсудим и, конечно, накажем и Сидорова и Цыбульника. Надо еще многое выяснить.

— А он денег не брал,— внезапно пропищал Толик.— И никого не трогал. Он только видел раз, как мы на чердак шли.

— Кто?

— Сидоров. Он даже не смотрел на нас. А потом заметил и сказал только: «Куда?»

— «Куда?» и все? — язвительно переспросил «тюбик».

— Он не трогал!.. Деньги Вадим отбирал!..— зашумели малыши.

— Тише, тише!

— Повторяю, мы займемся и Сидоровым и Цыбульником,— пообещала Анна Леонтьевна.— А сейчас...

— Я прошу слова! — звонко выкрикнула Тося Хохлова.

Вскочила, быстро оглядела всех нас. Маленькая, даже и не похоже, что восьмиклассница, с круглым, чуть раскосым личиком.

— Это потрясающе! — тонким голосом зачастила Тося. — Сидим здесь, разбираем дело... Словом,

ограбление настоящее! Это ведь все равно, сколько денег отнято — двадцать копеек или больше. Важен сам факт. Цыбульнику нет места в нашем коллективе! Я лично ему и руки не подам. Но я не про него хотела сказать. Я про вас.— Она развела руками, вскинула голову, коричневый большущий бант на затылке затрепетал, светлый пучок волос взметнулся.— Ненормальные вы какие, что ли? Сидят, веселятся, цирк устроили! Посмеиваетесь! Вон Мокина десяток записочек Цыбульнику переслала. Нежное сочувствие... Ну, Мокину мы все знаем, а другие-то что? Горяев острит. Вместо того, чтобы возмутиться, он острит! А сознание где? Смотреть на вас противно!

Все это она выпалила разом, без остановок. Перевела дух, села.

— Кипятиться тоже не следует,— назидательно произнесла Анна Леонтьевна.— Случай этот, как я уже сказала, мы разберем на педсовете. И, надеюсь, вынесем достойное порицание обоим приятелям...

Все слегка зашумели, засмеялись, потому что приятелем Цыбульнику Сашка Сидоров никогда не был. Вадим просто не замечал его.

— Порицание! Гнать надо, исключать обоих,— зашумели родители.— Это что же такое: на работе беспокоишься, что там с ребенком... деньги отнимают!

— Я прошу слова!

Поднялась Карякина. Заговорила неловко, угрюмо. Я понимал—это она от стеснения. Она и у доски так отвечает.

— Тут всё про деньги говорили. Деньги, деньги. Двадцать копеек, деньги, подумаешь... А главное забыли. Главное-то, это что Цыбульник их на чердак загонял. Ребят маленьких.— Она помолчала.— Ведь что он проделывал? В ряд ставил. На четвереньках ползать заставлял. Оплеухи, подзатыльники... И ему нравилось! Нравилось, значит, смотреть, как ребята терпят, а молчат.. Власть, вот что. Власть ему нравилась. Как это называется?..— Карякина исподлобья оглядела всех нас. Я заметил, как Витька Дельфин, сосед мой, пригнулся, расстегнул портфель, начал суетливо рыться в нем...— Фашизм — вот как,— равнодушным голосом продолжала Карякина.— А что этот гад, Цыбульник, пятачки отбирал, это не удивительно. Он такой.

Лида села. Все молчали. Неудобно как-то получилось. Крайность. А может, все-таки она права?

Все посмотрели на Вадима. Он сидел, небрежно откинувшись на своем месте. Пожал плечами, улыбнулся снисходительно.

— Ну ты, Карякина, и скажешь,— вякнула было Лизочка Мокина.

А Вадим снова пожал плечами и проронил:

— Так это же Карякина... Не стоит затягивать собрание, домой пора. Ужинать.

Мокина и ее подружки засмеялись заливисто. Но остальные молчали

Вдруг Карякина встала, ни слова не говоря, направилась к Вадиму. Деревянными какими-то шагами направилась. Взяла с учительского стола дубовую, выточенную в школьной мастерской указку. В полной тишине подошла к Вадиму и изо всей силы трахнула его этой указкой по голове.

— Так тебе будет понятнее,— сквозь зубы пробормотала Лидка.

Бросила указку и тут же направилась к двери. Следом побежал и Мишка, согнувшись под тяжестью двух портфелей — своего и сестры. Синий сатиновый мешок с кедами путался под ногами.

— Карякина, вернись! — крикнула вслед Нина Харитоновна.

— Неслыханно! — Анна Леонтьевна даже руками всплеснула.

Поднялся шум. Цыбульники хлопотали около своего детища. Кажется, он довольно легко отделался — на лбу всего-навсего выскочила багровая шишка. Лидка, она ведь слабосильная...

Подошла и Анна Леонтьевна, все пыталась что-то объяснить. Но Цыбульники не слушали.

— Травма! — громко объявила мамаша.— Гляди, Павел, какая травма! Что я тебе говорила? Давно надо было перевести сына отсюда. Теперь сам видишь.

— Да! Вижу! — гремел Цыбульник-старший.— Я это так не оставлю!

Теперь-то, конечно, он был на коне. Дура все-таки Лидка. Она ведь такой козырь им дала; можно сказать, своими руками спасла Вадима от наказания. Сделала его жертвой, а мы все разом превратились в обвиняемых. Весь наш класс и с руководителем вместе...

Так я и сказал Витьке, когда мы с ним возвращались домой. Дельфин призадумался, покрутил носом, но все-таки со мной не согласился. Он сказал, что разные бывают ситуации и что Карякина в данном случае права.

— Знаешь, я такого от нее не ожидал. Так вот просто подойти и шарахнуть! При завуче, при классной. Ну и молодец! А то я уж боялся, что Вадиму это хамство с рук сойдет. Порицание какое-нибудь вынесут — и концы в воду...

— А теперь ему и вовсе ничего не будет...

— С него достаточно! Лидка так ему врезала! Опозорила навеки. И выступила она здорово. В самую точку.— Дельфин помолчал, потом признался:— Честно говоря, она меня смутила. Сидим, помалкиваем, посмеиваемся. Мы, парни... А Лидка все на себя взяла... Я думаю, теперь Цыбульник в нашем классе не задержится.

— Да ну!

— Точно. Жаль только, что Лидку исключат. А она человек. Ей бы надо учиться.

Мы оба замолчали. И так призадумались, что едва не попали под ледяной обвал — с крыш сбивали сосульки. В лицо нам дул легкий, теплый ветер, и асфальт кое-где уже просох. Ступать по нему было приятно: ноги как будто освобождались от зимних пут — сугробов и гололеда. У газетного киоска старуха содрала с корзины брезентовую покрышку, распаковала свой товар — это были синие подснежники. Первые в этом году.

4

Все-таки Карякину не исключили. Правда, долго ее прорабатывали, таскали в учебную часть, еще куда-то там, вызывали к директору мать. Но в конце концов все улеглось. А вот Цыбульник действительно исчез. Родители перевели его в школу со спортивным уклоном, где старший его брат преподавал физкультуру. Оказывается, Цыбульники — спортивная семья. Отец в молодости играл в футбол, мать была тренером по художественной гимнастике, брат — мастер спорта. Теперь вот и Вадима устроили. Что же, скатертью дорога!.. Думается, все же кое-какие выводы для себя он должен сделать. Недаром ведь больше у нас не показывается: ни в школе, ни поблизости. Совестно.

Про Цыбульника скоро забыли, потому что как

раз начались экзамены. В нашем классе все окончили восьмилетку благополучно. И всех перевели в девятый. Только Сидоров да Карякина уходили из школы. Сидоров собрался поступить в техникум, а Карякина решила устроиться на работу.

После экзаменов было классное собрание. Нина Харитоновна провела беседу, спрашивала каждого, кем он хочет быть, и вообще, что является для нас идеалом. Ну, конечно, когда заговорили об идеалах, началась разноголосица. Многие как-то об этом не думали, просто жили, и все. Поэтому и отговаривались общими словами. Борьба за светлое будущее, за счастье народов. Ну, а конкретно? Молчат. Потом кое-кто собрался с мыслями, стали планами делиться. Сидоров сказал, что его идеал — окончить техникум и сделаться хорошим мастером по телевизорам. Мокина мечтала стать манекенщицей (смех, да и только), Тося Хохлова — педагогом, Горяев — архитектором, я... скажем, инженером. А Витька — не больше, не меньше, как в капитаны дальнего плавания метил, недаром Дельфин. Дошла очередь до Карякиной. Какой ее идеал?.. Лидка долго молчала, переминалась с ноги на ногу, а потом бухнула: «Семья. Работать где-нибудь, и чтобы семья была...» Тут, конечно, поднялся шумок, шуточки: «Карякина-то! Замуж собралась. Почтенная мамаша, ничего себе!..»

— Семья, детей трое, отец...— упрямо бубнила Карякина.— Отец добрый чтобы. За столом все сидели бы, чай пили, а он веселый, шутит. Все дети радуются, все смеются... И лампа яркая, а под столом — кот. Полосатый.

— Почему же именно полосатый, сударыня? — не утерпел Андрюшка Горяев.— Могу порекомендовать вам сиамского рыжего, короткохвостого! На свадьбу подарю. А когда, если не секрет, свадьба?..

Хорошо, что Дельфин вовремя пнул его под столом ногой, а то Лидка и без этих острот скисла, села и лицо ладонями закрыла...

Дома я застал суматоху. Во-первых, в комнате Юлии Михайловны начали ремонт, во-вторых, она срочно уезжала в дом отдыха.

— Прихожу сегодня на работу,— рассказывала она маме,— меня так и ошарашили: путевка горит. Должна была поехать Фаина Петровна, и, представьте, у нее зуб заболел. Она туда, она сюда! Ничего не поделаешь, коронку снимать придется. Я, конечно, тут как тут. Путевка хорошая, в Кисловодск, мне только шестнадцать рублей доплатить придется, остальное — за счет профсоюза. Целый день бегала, оформлялась.

— А как с билетом? — интересовалась мама.

— Поезд в десять вечера, билет у меня. Вы уж, Мария Николаевна, последите тут за ремонтом. Распорядитесь, чтобы помыли.

— Хорошо, только ведь я на работе...

— Ничего, Сережа подежурит!

Я едва не взвыл, когда услышал это. Сидеть в разоренной, заляпанной известкой квартире, когда у нас с Дельфином столько планов! Ведь каникулы!.. Но Юлия Михайловна как будто уловила мое настроение.

— В крайнем случае Лиду попрошу, делать ей все равно нечего. Да, кстати, вы не знаете новость? К Ане приехал муж.

— Какой муж? Разве она...

— Как — какой! Да отец Лиды и Миши. Он с ними не живет... уж не помню, с какого года, Аня мне что-то рассказывала. Теперь вызвала его из-за Лидки, чтобы воздействовал. На три дня приехал.

Юлия Михайловна сходила в коридор, вернулась с белым курортным чемоданом, шлепнула его на стол, откинула крышку. Резко запахло духами.

— Интересный мужчина, и, между нами говоря, она его не стоит... Не знаю, правда, кем работает. Кажется, костюмер театральный или осветитель. Приблизительно что-то такое...

Я сидел и чистил картошку. Теперь, когда начались каникулы, мама неусыпно следила, чтобы я помогал по хозяйству. Кажется, какой пустяк — почистить пяток картофелин. Но нет, для мамы тут дело в принципе: хотя бы потребовалась и одна-единственная, все равно почистить ее обязан я. Ну, принцип так принцип. Зато у меня предлог — слушать разглагольствования Юлии Михайловны. Иногда она изрекает любопытные вещи.

— Я обещала устроить Лиду в наше учреждение, когда вернусь. Как вы думаете, Мария Николаевна, благодарность у них есть или, так сказать, отсутствует?

— Какая благодарность?

— Обыкновенная. По-моему, она должна бы сама догадаться и сделать мне курс алоэ на дому. Тридцать уколов. И вообще, знаете ли...

— Как-то странно... Не вижу тут никакой связи,— замялась мама.

— А я вижу,— не утерпел я.— Человек человеку, баш на баш, мы вам — вы нам, ты мне — я тебе, что я с этого буду иметь... И еще много разных пословиц и поговорок!.. Да, забыл еще одну: с паршивой овцы хоть шерсти клок. В данном случае — с несчастной овцы...

Я так разошелся, что вместо картофелины резанул себе по пальцу. Черт! Сам ведь вчера нож отточил. Перестарался.

— Допрыгался! — вскрикнула мама.— Йодом залей сейчас же! Сколько раз говорила, делай каждую работу внимательно... И нечего тут развешивать уши!

Обедали мы на сей раз в комнате, потому что в кухне было, по маминому рассуждению, очень уж грязно. И правда: пол уставлен ведрами, банками, измазан побелкой, затоптан олифой и красками. Из комнаты Юлии Михайловны слышались голоса: женщины-маляры там распевали частушки.

— Я вижу, придется нам отныне обедать в комнатах,— раздраженно сказала мама.— Из-за тебя. Вечно ты в чужие разговоры вмешиваешься.

— Не в чужие, а в твои,— ответил я.— Всё дело в том, что я подрос. Взрослый. И могу иметь свое особое мнение.

— Взрослый,— усмехнулась мама.— Ну, если так уж повзрослел, не потрудишься ли держать свое «особое мнение» при себе? Я вовсе не хочу нарываться на неприятности.

— Вот еще! — Я окончательно разозлился.— Тут болтают такую подлую чушь, просто уши вянут, а я буду помалкивать, будто слабоумный какой? Не-ет, от меня не дождетесь! Чушь надо разоблачать.

— Сережа, ведь существует и простая вежливость, такт, наконец. Нельзя быть бестактным...

— А она имеет такт? — выпалил я.

— Тише, тише.— Мама оглянулась на дверь.— Нельзя же от каждого требовать, чтобы... Нет, как все-таки с тобой трудно! Жаль, отца дома нет.

И мама замолчала, запечалилась. Такой она всегда становилась, когда думала об отце. Я тоже призадумался. Дело в том, что мы с отцом собирались провести отпуск вместе. Рыбачить, купаться, спать в палатке, по вечерам — костер, чаек с дымком, комары. Хорошо! Скорее бы он приезжал!..

Сразу же после обеда к нам заявилась Юлия Михайловна. Со своей подушкой. Голова повязана полотенцем, лицо лоснится от крема.

— Мария Николаевна, вы отдыхаете? Я прилягу рядышком, можно? Ничего-ничего, я с краешку. Или лучше — валетиком. Вот так.

Она улеглась. Оказывается, «валетиком» — это лежать головами в противоположные стороны. В первый раз слышу... Она улеглась на спину, сложила на животе руки и тут же заснула. Буквально через несколько минут я услышал негромкое ритмичное похрапывание. Это ведь уметь надо! Сразу видно, что всякие там душевные волнения, сомнения и прочие сложности — все это совершенно чуждо Юлии Михайловне. Хороший аппетит, крепкий сон и уж, конечно, умеренные нагрузки. Житуха!

Мама читала лежа. Я видел, что ей неловко, тесно рядом с Юлией Михайловной. Она осторожно, стараясь не шелестеть, перевертывала страницы, а потом и вовсе отложила книгу, не вытерпела и потихоньку выбралась с тахты...

Вечером ко мне зашел Дельфин, и вместе мы отправились к Лиде, надо было забрать кое-какие учебники.

Открыли не сразу. Надутый и явно чем-то рассерженный Мишка сказал, что Лидки нет дома, но что учебники для нас она отложила, они на этажерке. Мы прошли в квартиру. За столом сидел дядька в расшитой украинской сорочке и пил чай. Я сразу догадался, что это их отец,— он со смаком попивал чаек, как у себя дома!

Завидев нас, привстал.

— Леонид Павлыч,— представился он.— Заходите, молодые люди. Чайку не хотите?

Стол был уставлен разными закусками, посередине желтела бутылка коньяку. Я заметил, что чай пил он совсем не по-людски: то отхлебывал из чашки, то тянулся к селедке или салу, закусывал. Наливал рюмочку коньяку, опрокидывал, а потом снова брался за чай.

Мы вежливо отказались.

— Напрасно, парни, напрасно.— Он покачал головой.— Чаек очень хорош. Ишь, как заварен!.. Не чай, а прямо пожар в джунглях!

Это здорово он сказал. Я вгляделся попристальнее, и дядька мне, пожалуй, понравился. Лицо продолговатое, ровное, в мелких рыжих веснушках. Волосы тоже рыжие, подстрижены по-молодежному, удлиненным мыском на шее, а надо лбом пышно зачесаны вбок. Мы с Дельфином принялись разбирать учебники. Некоторых не хватало, другие оказались совсем лишние, не наши. Видно было, что Лидка кое-как собрала учебники — забирайте, мол, все, мне не нужны больше...

— Ликвидация имущества,— заметил Леонид Павлыч.— Дело понятное. Уговаривал, просил, умолял — не послушалась. Непокорная дочь! — Он наполнил рюмку. Напевая «Непокорная дочь, непоко-орная дочь...», выбрал на тарелке кусочек ветчины, зацепил.— Ваше! — Выпил. Вздохнул глубоко, удовлетворенно и начал разглагольствовать.— Вы, молодежь, неправильно о жизни понимаете. Смотрю на вас, так сказать, изучаю. И вижу: нет и нет. Все неправильно.

— Как это — неправильно? — не отрываясь от раскрытого учебника, спросил Дельфин.

— Как? А-а, это целый разговор,— оживился Леонид Павлыч.— Вы ведь как живете? Каждый из вас, взять хоть бы этого вот пацана,— он указал на Мишку,— сотворил себе тюрьму. Я говорю — мысленную тюрьму. Ящик дубовый себе построил и в этом ящике сидит. Ограничитель вечный, клапан предохранительный... Вы кем хотите стать? — Он ткнул пальцем в сторону Дельфина.

— Капитаном.

— Во-во! А он летчиком,— кивок на Мишку.— То-то оно и есть. Сена клок перед мордой осла. Видите вы этот клок, и все тут. Вы — корабль. Мишуха — самолет. А что по сторонам — вас не интересует. А жизнь, она...— Леонид Павлыч мечтательно закачал головой, чувствовались градусы. Пропел: — А жизнь проходит мимо-о!

— А я думал, жизнь — это мой любимый труд,— с усмешкой заметил Дельфин.

— Э-э, друг... Кто его знает, что тут любимое, а что нет. Все течет, все изменяется. Я вот сколько перевидал — ого! На море, между прочим, тоже побатрачил. Матросом был. Морока. Потом бревна катал в лесхозе. В рабочий класс подался, на завод. А городов сколько перевидал!.. Теперь вот в театре. Сцену освещаю, делаю день — ночь. Иллюзия, искусство, мираж чувств... Можно так, а можно и не так. По крайней мере не скучно... Эй, цуцик, поди сюда!

Мишка шмыгнул носом, промолчал.

— Цуцик! Тебе говорят?

— Я не цуцик,— мрачно ответил Мишка.

— Нет, цуцик.

— Не цуцик я.

— А я говорю — цуцик!

— Сам ты цуцик! — Мишка с достоинством вышел, крепко притворил за собой дверь.

— Видали? — подмигнул Леонид Павлыч.— Герой! Весь в меня пошел. Этот не пропадет! Тут мое отцовское сердце может быть спокойно...— Он качнулся.— Завтра уезжаю, арревидерче Рома! Возвращаюсь в таинственный мир кулис, черт бы его побрал...

Он уткнулся носом в стол, видно, задремал. Теперь он нравился мне куда меньше, вернее, совсем не нравился. Ничего в этом Леониде Павлыче нет хорошего. Рыжий. И нос как-то кверху загибается. А прическа? Ничего себе причесочка! В таком-то возрасте и длинные волосы. Бачки рыжие, косая челка. Да еще налимонился...

Дельфин, должно быть, полностью разделял мои чувства. Мы запихали в сумку учебники и собрались было уходить, но тут вошла тетя Аня.

— А-а, мальчики. А я думала, Лида... Вы Лиду случайно не встречали? Запропастилась куда-то...

Она держала вазочку с вареньем. Я сразу заметил, что на тете Ане новое платье, серое в вертикальную полоску, а волосы причесаны по-особому. Но держалась она буднично-отрешенно, как бы обходя вниманием того, кто сидел за столом.

— А-а! Анюта! — встрепенулся Леонид Павлыч.— Ручку, мадам!

Он привстал, но тут же качнулся и плюхнулся на стул.

Тетя Аня бесстрастно прошла мимо, будто случайно оставив вазочку с вареньем на столе.

Смотрела она куда-то в сторону, всем своим видом показывая, что этот человек для нее просто не существует. Я еще не успел ответить ей, что не встречал сегодня Лиду, как уже понял, что ответа и не требуется: тетя Аня просто забыла, о чем спрашивала... Она присела на диван. Так присела, будто не дома, а в троллейбусе или вагонном купе. Выпрямившись, сложив руки на коленях. Комната у них единственная, и, кроме кухни, ясно, никуда не денешься. Должно быть, тетя Аня устала, а на кухне просто не на чем отдохнуть.

— Мам, чего ее дожидаться, давай ужинать,— пробасил Мишка, входя в комнату.

— А? — Тетя Аня смотрела на Мишку, а на ее измученном лице были отрешенность и холодность.

Должно быть, тетя Аня за эти двое суток совсем растерялась. Надо было и хозяйство вести и все время демонстрировать пришельцу свои независимость и достоинство. Чтобы проняло его, чтобы обидно было.. Может быть, она втайне хотела, чтобы Леонид Павлыч пожалел о своем бегстве?

— Мам, есть хочется,— заскулил Мишка.

Меня даже зло взяло. Вот женщина! Вся с головой ушла в свои переживания из-за этого пьяницы..

— Сын! Садись со мной, поужинаем! — бодро воззвал из-за стола Леонид Павлыч.— Говорю, герой, топай сюда! Конфету дам.

— Не хочу,— мотнул головой Мишка.— Мам, каша-то подгорела!

Действительно запахло горелым.

Тетя Аня поднялась и, сохраняя ту же обиженно-кислую мину, отправилась на кухню.

— Хороша каша, да не наша,— вполголоса сказал Леонид Павлыч.

И мне почему-то сделалось смешно. Захотелось выскочить и нахохотаться вволю... Витька дернул меня за рукав, и мы вместе выкатились из квартиры. Дверь захлопнулась.

— Уф-ф! — фыркнул Дельфин.— Ты чего застрялто? Уж я и подмигивал и ногой толкал!

— Не заметил. Ну, знаешь ли, обстановочка... Смотреть противно. Да и смех разбирает...

— Обстановочка ничего себе! Ну и тип! Вот не повезло Карякиной.

— Все-таки в этом дядьке что-то есть. А вот тетя Аня... Как можно быть такой нудной... Ходит, будто клюквы объелась.

Дельфин пригладил ладонью волосы, ухмыльнулся.

— Насчет дядьки ты это зря. Эгоист нормальный. И заливает, будь здоров... Ишь, всего в жизни напробовался. А чуть что — и стрекача. Попрыгун!

— От такой жизни любой упрыгает. Куда глаза глядят. Хоть на Северный полюс.

Дельфин посвистывал, о чем-то размышляя на ходу.

— Это как сказать. Мне кажется, понимаешь... В общем, любит она его. Несмотря ни на что. Знаешь, бывает такая любовь...

— Пошел ты!..

— Мне так кажется. А иначе зачем бы она стала переживать? И нарядная ходит, заметил?

— Ну, Дельфин, видно, у тебя глаза на затылке. Вроде учебники разбирал, не смотрел ни на кого, а что-то там все-таки усмотрел. Фантазер!

— Может, и фантазер,— скромно заметил Дельфин,— только мне кажется, я прав...

Я открыл дверь своим ключом, и мы вошли в обезображенную ремонтом квартиру. Было тихо, видно, Юлия Михайловна уже уехала. Мама на кухне негромко позвякивала посудой. В моей комнате горела настольная лампа, а за столом сидела Лидка и читала книгу. Увидев нас, привстала, убрала длинную прядь со лба.

— Привет! Я тут распространилась, ничего? Я сейчас уйду.

— Что ты, сиди. А мы прямо от тебя. Учебники вот забрали.

Она безразличным взглядом скользнула по сумке с книгами.

— А-а... Как там гость наш, сидит? Не убрался еще?

— Сказал, завтра уезжает.

— Я не про то. Ночует он у приятеля, вот и жду, уберется когда. Попросилась у Марии Николаевны посидеть.

— Ды ты сиди, сиди. Хочешь, чаю принесу?

— Пили уж, Мария Николаевна угощала.

Мы с Виктором уселись на койку.

— На работу, значит, поступаешь? — задумчиво спросил Дельфин.

— Ага. Только очень трудно устроиться. То есть устроиться-то можно, да куда хочу, туда не берут, а где берут, пожалуй, не справлюсь...

— А куда ты хочешь? — спросил я.

— Мало ли... Не решила пока. Педагогом хотела быть — без образования, сами знаете...

— Зря школу бросаешь,— огорченно сказал Дельфин.— Можно сказать, сук рубишь, на котором сидишь...

— Вот и была бы педагогом,— поддержал я.— Без образования все-таки нельзя. Приходи к нам в девятый, а? Отметки ведь нормальные...

Лидка встала. Показалось мне, что она выросла за последние дни. Правда, после экзаменов я ее еще ни разу не видал. Стала выше ростом и вроде похудела.

— Нельзя мне в школу. Сами видите, работать должна. Мишка мал, его дорастить надо, мать больная. Только скрывает, а я-то знаю, что больная.

Она шагнула к своей жакетке — на вешалке у двери,—вытащила из кармана сигареты.

— Курите? Я курю, только, чур, секрет!

Мы с Витькой закурили для компании; правда, скоро нам надоело глотать дым, и мы притушили окурки.

Лидка в своем черном свитере и потрепанных джинсах, с огоньком сигареты у губ казалась какой-то непривычной и странно обаятельной.

— Зря ты куришь, Лид,— сказал Витька.— Терпеть не могу, когда женщины курят.

— Да? А я терпеть не могу, когда мне делают замечания,— резко ответила Лидка.— Дошло?

Она беспокойно зашагала по комнате, наконец нашла себе место — уселась на корточках у стены. В полумраке попыхивал огонек сигареты.

— Заладили: «Школа, школа»,— расстроенно заговорила она.— Будто сама не знаю, что десятилетка нужна. И отец твердит: «Школа». Знал бы он, каково маме.

— Разве он не помогает?.. То есть материально,— промямлил Дельфин.

— Смех один. Сначала скрывался, потом приходить стали гроши какие-то. Я была против. И чтобы не приезжал. Мать: «Ладно, ладно»,— а выяснилось, что эти копейки все-таки брала. Ненавижу всякое крохоборство! Смотреть противно.

— Это не крохоборство, это закон,— осторожно сказал Дельфин.— Положено — бери.

— Плевать я хотела! — Лидка тряхнула головой, темные спутанные пряди взметнулись и закрыли половину лица. В сумраке сердито поблескивал один только глаз да рдел огонек сигареты.

— А что, если работать и учиться в вечерней школе? — сообразил я.— Многие так делают. Почему бы и тебе?

— Точно,— обрадовался Дельфин.— Только работу надо найти попроще, успевать чтобы.

— В этом году учиться, во всяком случае, не придется. Надо матери помочь. Чтобы напрочь освободить ее от... Словом, от копеек этих.

Мы помолчали. Комната вдруг озарилась синими и сиреневыми бликами — напротив на крыше кинотеатра вспыхнули рекламные огни.

— А у тебя тут здорово,— одобрила Лидка.— Современный интерьер, ничего не скажешь!

— Да, ловко устроился.— Дельфин хлопнул меня по плечу.— Я уж и то уроки делать к нему бегаю Привык.

Я согласился с ними, что действительно у меня тут красота.

— Ходила куда-нибудь насчет работы или нет? — полюбопытствовал Дельфин.

— Ходила Только все неудачно. Во-первых, не везде берут шестнадцатилетних, во-вторых, все-таки надо что-то уметь. Восемь классов — и ничего не умею. Решительно ничего! Ну, скажите, чему только нас учили в школе? Чему?

Она беспокойно задвигалась на своем месте: огонек сигареты потух. Поднялась, шагнула к окну и выбросила окурок в форточку.

— Нет, кое-что мы все-таки умеем, — усмехнулся Дельфин. — Во-первых, дисциплину соблюдать, потом, конечно, читать-писать. Стихи наизусть помним: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя». Еще про помещиков знаем — Пульхерия Ивановна, Афанасий Иванович. Барщина, оброк и так далее.

Мы все трое расхохотались.

— А столярка? — напомнил я.

— Да-а, столярка, — подхватила Лида. — Я, например, пестик для толчения картошки выстрогала. И ножку для стула Правда, кривая получилась.

Мы снова расхохотались и смеялись до тех пор, пока смех не иссяк. На шум явилась мама, заглянула к нам.

— Вы что это в темноте сидите? — Она включила свет.

Сразу сделалось скучно, и лица у нас такие обыкновенные. Как в школе. Дельфин поздоровался с мамой и тут же собрался уходить.

— Вот что, — сказал он. — У меня тетка в зоопарке работает. В лаборатории. Спрошу ее, нет ли у них в зоопарке для тебя местечка Завтра же съезжу.

— Разве в качестве экспоната, — горько пошутила Лидка. — В лабораторные работники меня не возьмут.

Витька ушел.

Мы с Лидой проводили его до угла, потом пошли разыскивать телефонную будку. Надо было позвонить к ним, справиться, ушел ли отец. Я набрал номер. Сердитый Мишкин басок сообщил, что отец все еще сидит.

— Ну и пускай сидит, — нахмурилась Лидка

— Пойдем к нам, — предложил я. — Поужинаем, телик включим.

— Да нет, я, пожалуй, домой Пора.

Мы вместе дошли до подъезда, и тут Лида сказала мне, чтобы я шел домой, а ей надо еще забежать в булочную. Я понял — она просто хотела отделаться от меня, потому что было уже одиннадцать, и булочная, конечно, давно закрыта.

Лидка повернулась и пошла. Я стоял у подъезда, смотрел, как она удаляется, — долговязая, в своих потертых джинсах и черном, в обтяжку, свитере, бредет вдоль пустынного асфальта мимо шеренги фонарных столбов, и синеватые отсветы мелькают на ее спине.

5

Дельфин сдержал слово: на другой же день съездил к тетушке, и вскоре Карякину приняли на работу в зоопарк. Обязанности несложные: чистить клетки, подметать вольеры, помогать кормить животных. Зарплата — семьдесят рублей. Для начала неплохо.

Недели через две мы с Дельфином зашли в зоопарк, как бы случайно, на самом-то деле нам обоим не терпелось навестить Карякину. Мы долго шлялись по дорожкам, заглядывали в служебные помещения. Лидки нигде не было.

У клеток с леопардами я задержался.

Витька изо всех животных больше всего любит птиц, с детства у него такая страсть. У него все подоконники усажены кормушками, за окнами — настоящий птичий базар.

Я же предпочитаю семейство кошачьих. На разных там леопардов, рысей, пум и тигров готов смотреть часами. Вот где красота! Интересно, что все эти звери разные, отличаются и цветом, и ростом, и характером. Тигр весь какой-то тяжелый, глыбистый по сравнению с гибкой шелковой пантерой, а рыжие пумы и вообще кажутся игрушечными... Это ничего, что нельзя просунуть руку и погладить зверя по мягкой шкуре, зато можно смотреть и вдумываться... Я долго стоял возле клетки с большим пятнистым леопардом. Он спал, свернувшись, в точности, как домашняя кошка; впрочем, скоро леопард обратил на меня внимание. Он приоткрыл острые треугольники-глаза, взглянул на меня пристально и снова зажмурился. И морда сразу стала казаться такой кроткой — домашний кот Васька, да и только.

Я любовался пятнистыми переливами шкуры, длинным гладким хвостом. Леопарда, видно, заинтриговало мое такое внимание, он приподнял морду, лениво зевнул во всю пасть и как бы случайно взглянул на меня еще раз. Потом вытянулся и, задрав все четыре когтистые лапы, принялся перекатываться с боку на бок. Ну и картина! Он как бы приглашал меня участвовать в этой игре, а щелки-глаза подстерегающе поглядывали: тронь, попробуй!

Интересно, что̀ там про себя думает это пятнистое создание, а ведь все-таки думает же! В школьном учебнике одно объяснение всему: инстинкт. Ловко сказано! Название придумали такое: «инстинкт», и крышка. Будто нарочно, чтобы не думать дальше. Почему зверь бежит куда-то?.. Инстинкт. А почему вот так крутится, лапами машет?.. Опять инстинкт. Сожрал кого-то? Инстинкт, ничего не поделаешь... А вдруг в данный момент этот леопард вовсе и не желает меня сжирать, вдруг у него что-то совсем иное на уме? Может, он лапу дружбы мне протягивает? Нет, тут еще думать и думать надо... Подошел Витька и толкнул меня в бок.

— Засмотрелся? Пошли. Она, оказывается, у копытных.

...За проволочной сеткой вольера паслись разные пони, зебры и прочий травоядный скот. В верблюжьем загоне двигалась щуплая фигурка в широченных брюках на подтяжках, в клетчатой рубахе. Я не сразу узнал Лидку. Волосы она запрятала под берет и совсем стала похожа на хилого мальчишку-подростка. Наклонялась, орудовала лопаткой и совком — подбирала с травы катышки навоза. Тонконогий палевый верблюжонок ходил за ней по пятам.

— Здорово, Лид! — крикнул Дельфин.

Лидка распрямилась, вгляделась из-под руки.

— А-а! Вы? Привет!.. Порядок вот навожу.

— А что этот тип за тобой ходит? Что ему надо?

Она обернулась, погладила верблюжонка по клокастой морде.

— Это любимец мой, Гришка. Вечно его обижают, заступаться приходится.

— Кто?

— Старшие. Вон особенно тот, хулиган! — Лидка показала на темно-бурого приземистого верблюда. — То от кормушки оттеснит, то гонять начнет по вольеру. Беда с ним!

— Ну, ничего, ладно,— пробормотал Дельфин.— А как ты здесь вообще-то? Хорошо?

Лидка нахлобучила берет на ухо, подтянула свои чаплинские брючищи.

— Нормально. Работы, конечно, невпроворот. Вкалываю... Чищу, кормлю, восстанавливаю справедливость.

— И как они?

— Ничего, привыкают понемногу. Перевоспитываются.

Деловито подхватила ведерко и совок, отошла от решетки.

Потом мы увидели ее в другом загоне, среди мелких каких-то лошаденок, наверное, пони. Лидка нагнулась, чтобы подобрать навоз, и тут довольно крупный рыже-белый жеребчик подошел сбоку и звонко ударил ногой по ведерку. Ведро покатилось, рассыпая мусор. Лидка заругалась, бросилась подбирать, а жеребчик все заходил сбоку, резво подбрасывая передние ноги, мотая башкой. Группа самок стояла невдалеке, с интересом наблюдая за действиями жеребчика. Похоже, что конек из чистого бахвальства перед ними вытворял все эти штуки. Нагнулась Карякина, чтобы взять ведерко, а он подступил вплотную и толкнул Лидку башкой так, что бедняга едва не растянулась. Схватила метлу на длинном черенке, пригрозила баловнику. Но тот не отставал и, когда Лидка повернулась спиной и пошла, нахально увязался следом. Она прибавила шагу — жеребчик тоже. Досадливо махнула рукой, подхватила ведерко и совок, побежала к выходу... Жеребчик, видно, только этого и ждал: что есть силы погнался за Лидкой. Она оглянулась и, видно, не на шутку запаниковала. Во всяком случае, побросала совок, метелку и вообще все свои орудия производства, пустилась бежать опрометью... Выскочить все же не успела: жеребчик прогнал ее мимо калитки. Лидка мчалась по кругу, придерживая обеими руками сползающие брюки, а коняшка преследовал ее, постепенно набирая скорость. Бег его был целеустремлен и плавен, как у иноходца... Такое увидишь разве что в старых, начала века, фильмах. Но мы забеспокоились. В самом деле, а вдруг лошачок-то кусается? Да и остальные лошадки подозрительно оживились, вышли из своего угла, заинтересованно поворачивали морды вслед этой карусели: Лида — коняшка — Лида — коняшка — Лида...

Короче говоря, Витька не выдержал и полез через решетку. Я за ним. Стоило только нам оказаться на зеленом поле вольера, сердитый жеребчик сразу же переключился на нас. Опасно приблизилось и остальное стадо. Удирать теперь пришлось нам, и мы довольно успешно пробежали два круга, пока Лидка, подобрав разбросанные вещи, не отперла калитку. Мы выскочили. Ну, и ругала же она нас!

— Куда полезли! Запрещено беспокоить животных, не положено! Хорошо еще, начальства поблизости не было, а то бы... И с какой стати вы сюда заявились? А ну, марш отсюда!

И это вместо благодарности за спасение. Разобиженные, мы удалились. И тут-то, когда ворота зоопарка остались далеко позади, мы высмеялись вдоволь. Смеялись даже в трамвае, хохотали и никак не могли остановиться. Старикан, сидевший на «месте для детей и инвалидов», долго терпел эти наши приступы, наконец укоризненно покачал головой и обратился к пассажирам:

— Вот! Посмотрите-ка на них.

Хотя все и так на нас смотрели.

...На другой день получили мы с мамой письмо от отца. Приехать в скором времени он не мог и поэтому звал нас погостить к себе на Урал. Мама взяла отпуск, собрались и поехали... Вернулись мы на исходе августа. Уже запахло началом школьных занятий: писчебумажные магазины гудят. Я даже испугался, что не успею купить тетради, атлас по истории и запас стержней для шариковой ручки. Около нашего подъезда намело целые сугробы желтых листьев, и это удивило меня: уезжал-то я в самом начале лета, на березах тогда была изумрудная зелень... Словно и лета не было, хотя я очень здорово провел его вместе с отцом на Урале. А вернулся: в чем дело, почему сразу осень? Ведь была же весна! Чувство потери. Вот ведь как бывает...

Конечно, первым делом побежал я навестить Дельфина. Не терпелось узнать, как он там, побывал ли в Крыму, на море, как собирался, или родители упекли его в деревню к родным? И вообще хотелось поговорить. Я бегом спускался с лестницы и едва не налетел на Мишку — пацан тащил продовольственную сумку, тяжелую, видно было, что еле доволок.

— В магазин ходил? Молодец, мужик самостоятельный! — похвалил я.

— Подумаешь! Кому же еще,— ворчливо отозвался Мишка.— Дома никого нет, все на работе.

И он поглядел на меня исподлобья, в точности, как Лидка. А я-то считал, что между ними сходства никакого нет: Лидка длинная и худая, а братец Мишук, наоборот, плотный крепыш. И характеры у них разные...

— Как Лида поживает? Небось, всех зверей там перевоспитала? — поинтересовался я.

Мишка трудно засопел.

— Не. Они ее.

— Как так?

— Она старалась, а они все равно... Один там даже оплевал Лидку. Верблюжонок.

— Неужели Гришка?

— Ага. Она всё заботилась, воспитывала, хлеб из дому таскала, а он подрос да и оплевал.

Мишук жалобно шмыгнул носом, но тут же насупился, умолк и, как подобает мужчине, пошел своей дорогой.

— Сестре привет передай! — крикнул вдогонку я.

Дельфина дома не было, мать сказала, что он пошел в кино, на семичасовой. Было полседьмого, я помчался к нашему кинотеатру. Витьку увидел еще издали, он стоял около входа и нетерпеливо поглядывал на часы. Джинсы на нем были новые, с иностранным ярлыком на заднем кармане, рубашка яркая, с голубыми разводами.

— Здорово, Дельфин! Ну и ну! Стиляга, больше никак не назовешь.

— Сергей! Приехал, наконец! А я уж заходил к тебе. Позавчера был. Что за черт, думаю, куда он там провалился...

— А я иду сейчас, а навстречу Мишка. Вспомнилось, знаешь, как мы в зоопарке-то. Помнишь? Вот смеху было!

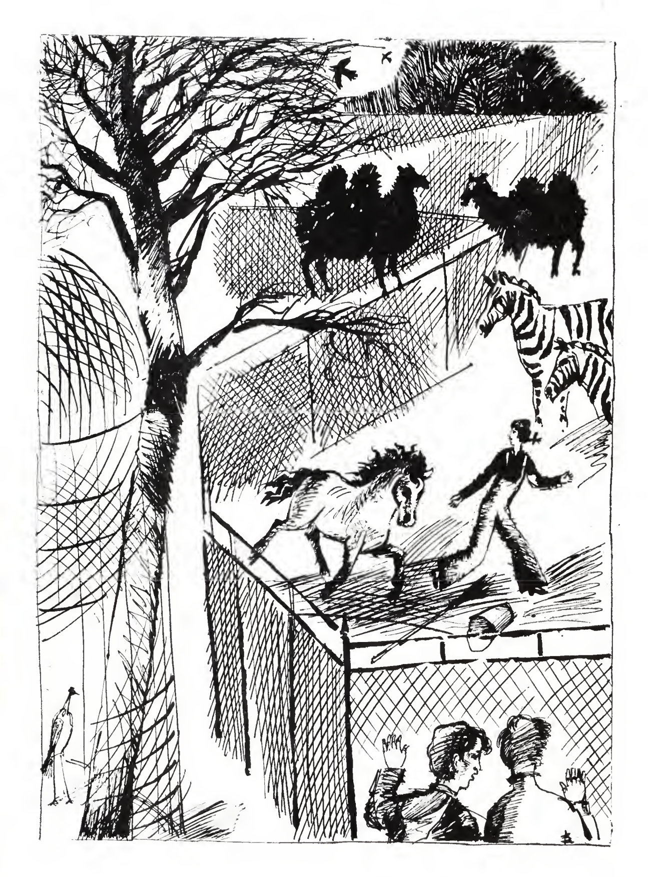
Я принялся было хохотать, но заметил, что Дельфин не очень-то разделяет мое веселье. Прищурился как-то озабоченно, по сторонам оглядывается, на часы смотрит.

— Ты что, ждешь кого-нибудь?

— Да вот Карякина просила билетик взять.

Дельфин отвернулся, как бы вглядываясь в толпу, пригладил рукой белесую гладкую толщу волос. Мне показалось, он немного смутился.

— Кстати, что там случилось с Лидкой? — Я торопился расспрашивать, стрелки часов передвинулись уже на без десяти...— Мишук рассказывал, я не понял. Что, она в зоопарке уже не работает?

— Нет.
— Сама ушла или...
— Сама. Видишь ли, она со зверями все-таки не сработалась.
— Как так?
Витька беспокойно оглянулся.
— Да ты ведь знаешь, она какая. Все напрямик, всерьез... А там все-таки звери. Как ни говори.
— Но я думаю, навоз-то убирать все равно...
— Да ведь Лидка же! Ей всё мало. Обидят кого, еду сожрут у слабого или побьют... Удав проглотил живьем кролика, обезьяны морды друг другу побили, она и психует. А тут еще любимчик Гришенька в благодарность за все заботы плюнул на Лиду, да и нападать пытался. Подрос, возмужал верблюдик, агрессивный стал. В общем, не сработалась, ушла. Давно бы надо...
Из кинотеатра донесся звонок, публика торопливо начала втискиваться в двери.
— Опаздывает,— сказал я.
— Значит, не придет,— констатировал Дельфин.— Она, знаешь, любит пораньше...
Я украдкой взглянул на Витьку. «Любит пораньше». Не в первый раз, значит, в кино ходят вместе. Подозрительно.
Уже давали три звонка. Мы заторопились в зрительный зал, уселись с краю, на свободные места.
— А сейчас не работает? — продолжал разговор я.
— Почему? Работает. Ваша Юлия Михайловна устроила ее к себе в контору. Секретарем-машинисткой. Я думал, ты знаешь... Уже целый месяц работает...
После кино Витька проводил меня до дома.
— Поднимемся? — пригласил я.— А то, хочешь, давай к Лидке зайдем, узнаем, почему не явилась?
Заходить к Карякиным не пришлось — все семейство находилось у нас на кухне. Еще от самых дверей мы услышали причитания тети Ани:
— И что это такое, господи! Хоть бы вы разобрались, Юлия Михайловна, мне уж и совсем непонятно, что с ней такое! Оттуда ушла, отсюда выгнали. Просто напасть какая-то...
— Да это все недоразумение! — заспорила мама.— Надо сходить, выяснить, в чем дело. Я уверена, что никто и не собирается увольнять Лиду. Девочка она тихая, прилежная, в конце концов работник новый, ее учить надо...
— Тут нечего и выяснять,— оборвала Юлия Михайловна.— Факт остается фактом...
Мы остановились около кухонной двери. Страсти были накалены, и на нас просто не обратили внимания.
Тетя Аня сидела на табуретке и плакала. Хмурый Мишка жался у ее колен. Лида стояла, прислонясь к стене, опустив голову.
— Факт остается фактом,— возвысила голос Юлия Михайловна.— Она потеряла работу.
— Так испытательный срок Лида уже прошла. Как же можно?! — не отступала мама.
— Так вот и можно! — мотнула головой Юлия Михайловна.
И спокойно начала ломать над кружкой бублик. В кружке дымилось подогретое молоко. На лице Юлии Михайловны, особенно на ее выпуклых скулах, темнел коричневый южный загар, волосы кудрявились крупной светло-желтой стружкой, должно быть, заново их покрасила.
— Говорила я школу не бросать,— ныла тетя Аня.— Видишь, ума-то еще не хватает, училась бы, копила бы ум...
— Последний потеряешь тут с вами,— сквозь зубы сдерзила Лидка.
— Рассуди сама,— подкрепившись моченым бубликом, с новыми силами начала Юлия Михайловна,— вот поступила ты на место. Без образования, безо всяких связей, и вдруг благодаря мне такое место! Восемьдесят рублей, работа благородная, люди вокруг все интеллигентные! Ты что должна? Прежде всего должна подумать: я девочка молодая, позаботиться обо мне особенно некому, должна я сама о себе позаботиться, за это место держаться. И такт! Вся — внимание, вся — услужливость и такт.— Юлия Михайловна впала в свой обычный нравоучительно-елейный тон.—Фаина Петровна — милейший человек, деликатнейший. Она всегда поймет, всегда объяснит, если надо. Она...
— Чучело она, вот кто,— не поднимая головы, пробормотала Лидка.— Чучело надутое.
— С ума сошла! — Тетя Аня всплеснула руками.— И что это с тобой делается?!
— Ничего не делается,— твердо заявила Юлия Михайловна.— Просто она всегда такая невоспитанная. С самого начала.
— Ничего подобного! — вспылила Лидка.
— Как — «ничего подобного»? Вспомни, когда Фаина Петровна велела тебе вычитать с машинки материалы, а ты?.. Представьте себе.— Она обратилась к тете Ане и маме.— «Некогда,— говорит.— У меня,— говорит,— своей работы накопилось». Отказалась, представьте себе. А надо бы свои-то бумаги в сторонку отложить, а для Фаины Петровны постараться! Вот как, милая моя.
— По-моему, это неправильно,— вмешалась мама.— Прежде всего надо закончить свои дела. И если столько накопилось, как могла эта самая Фаина Петровна еще и свои бумаги ей подбрасывать! Недобросовестно это. Особенно со стороны старшей.
— Ну, хорошо,— не поддавалась Юлия Михайловна,— а что вы скажете насчет одного интересного разговорчика по телефону? Помнишь, Лида?
— Не помню,— буркнула Лидка.
— Так я напомню тебе. Начальник, понимаете, велел Лиде соединить его с Николаем Захаровичем из планового отдела. Ей ответили, что Николай Захарович уехал обедать. Знаете ли, что им Лидуша наша сморозила?
— Господи, да что же такое? — испугалась тетя Аня.
— А вот что.— Тут Юлия Михайловна вытянула лицо, изображая Лидку. Получилось талантливо.— «Обедать? Это в одиннадцать-то часов? Да он еще сегодня на обед себе не заработал. Не успел».
На кухне воцарилось молчание. Я заметил, как мама поспешно отвернулась, скрывая улыбку.
— Ведь слова эти через пару часов дошли до самого Николая Захаровича, понимать надо! Вот и врага нажила.
Неожиданно Дельфин отодвинул меня плечом, протиснулся на кухню. Я просочился вслед.
— А что такое! — с ходу заговорил Дельфин.— Ну, и нажила! Если он человек настоящий, не будет из-за этих справедливых слов придираться. Хороша и Фаина Петровна ваша — свою работу на других наваливать, благо повыше сидит!
— А этот откуда взялся? — презрительно протянула Юлия Михайловна — Ба, да там и еще один Ну, как говорится, вас не перекричишь...
— А мы и не собираемся кричать,— заверил я — Мы просто послушать пришли. Интересно же.
— А что это за история с приказом? — спросила мама.— Лида начала было рассказывать...
Юлия Михайловна пожала плечами.
— Не знаю, это что-то для меня новое. Пусть сообщит сама.

И она, как всегда после ужина, принялась массировать лицо.

— А, ерунда все,— отбрыкнулась Лидка.

— Расскажи все-таки,— попросил Дельфин.

— Ну, дает мне Фаина Петровна бумагу,— монотонно начала Лидка.— Перепечатать велит и зарегистрировать. Приказ. Вот какой: «За невыполнение плана за второй квартал премировать заведующего плановым отделом тов Соменко Николая Захаровича восемьюдесятью пятью процентами премии».

— Ну и что? — Юлия Михайловна перестала массировать лицо, вытаращила глаза.

— Ничего себе! — захохотал Дельфин.— «За невыполнение плана премировать...» Чудеса, да и только!

— Вот я и подумала...— начала было Лидка.

— Ну, хорошо,— сухо остановила ее Юлия Михайловна.— Скажем, формулировка тебя не устроила. Хотя твое дело было — зарегистрировать, и всё. Ну, взяла бы, составила другой черновичок, например: «В связи с невыполнением плана за второй квартал лишить заведующего плановым отделом тов. Соменко Н. З. пятнадцати процентов причитающейся ему премии». Поняла? Звучит иначе, хотя суть остается прежней. Уже не «премировать», а «лишить».

Все молчали. Вот так фокус!

— Ничего себе! — заорал я.— Никакой премии этому тов. Соменко не давать, раз работать не умеет. Гнать его надо!

— Поняла?— не обращая на меня внимания, внушала Юлия Михайловна.— А потом с этим черновичком-то — к Фаине Петровне. И шепотком: «Фаина Петровна, а может, лучше так вот и так?» Тактично, умненько, а Фаина Петровна, она сразу поймет, и ты в накладе бы не осталась...

Юлия Михайловна выдвинула ящик стола, достала баночку с кремом.

— Да что тут слушать, Лид, пойдем лучше погуляем! — Дельфин схватил Лидку за руку, потянул.

— Что это значит — пойдем?! — спохватилась тетя Аня.— У тебя-то дела в порядке, тебе и горя мало, а у нее.. Никуда чтобы не ходить! Пускай дома сидит.— Я не узнавал ее, обычно такую тихую, кроткую тетю Аню...

— Ну, а как все-таки получилось, что тебя уволили? — спросила мама.

Лидка молчала.

— Она сама все это устроила,— сказала Юлия Михайловна.

— Ага. Я сама ушла. Подала заявление и ушла. Вот как.— Лидка кивнула.

— Как же так, зачем же? — вскинулась тетя Аня.

— Так. Я этот приказ печатать не стала. Засунула его куда-то, и всё. А Фаина Петровна как закричит: «Где приказ за номером пятьсот сорок четыре дробь двенадцать?..» Я говорю: «Не знаю где. Потерялся...». А она: «Вон! Сейчас же пиши «по собственному желанию»!..» «Пожалуйста» — говорю. И написала.

— Видали? — пожала плечами Юлия Михайловна.

— Мне кажется, дело это можно еще поправить,— сказала мама.—И, по-моему, заявление она имеет право забрать назад...

— Поздно, — вздохнула Юлия Михайловна.— Раньше думать надо было. Фаина Петровна живенько его на подпись снесла, и отдел кадров всё тут же оформил.

— Что же теперь делать,— горевала тетя Аня.— Придется новую работу искать...

— И вот что я замечу,— доверительно понизила голос Юлия Михайловна.— Не надо было заявление подавать. Ну, зачем ты его подала?

— Она велела.

— А ты бы не писала, и всё. Не понимаешь, что ли? Практически уволить человека у нас невозможно, раз он прошел испытательный срок и замечаний, занесенных в протокол, не имеет. Разве что по сокращению штатов... Но раз ты подала «по собственному», это совсем другое дело... Просто удивительно, до чего человек не умеет заботиться о себе! — Она помолчала.— Что же, я сделала все, что могла...

— Ладно, Лид,— сказал Дельфин.— Ушла из этой лавочки, ну и правильно. Я тоже бы ушел.

— И я... Мы пойдем подышим полчасика, мам! Лида, пошли.

— Куда? — спохватилась тетя Аня.

Но мы все трое были уже у двери...

На улице к вечеру похолодало, на асфальте шуршали сухие листья. Мы вошли во двор, отыскали подходящую скамейку и, благо все общественники-пенсионеры нашего двора давно залегли спать, забрались на нее с ногами. Мы восседали на удобно выгнутой спинке скамейки и на такой высоте казались себе независимыми, гордыми и житейски умудренными людьми.

Сквозь ветви деревьев сверкали острые точки звезд, низко проплыли красно-зеленые огни — авиалайнер пошел на посадку. Дельфин выдавал что-то веселое, мы шумели, острили наперебой, даже затеяли возню—кто кого столкнет со скамейки. На самом-то деле нам было тоскливо и плохо, очень плохо. Только мы не показывали виду.

6

— Что там с Карякиной, не знаешь? — спросил меня как-то Андрей Горяев.— Говорят, кочует с места на место, нигде не удерживается. Правда это? Ты ведь рядом живешь, поведай...

Мы сидели на лабораторных занятиях по химии. Химию Горяев не любит и все опыты благосклонно предоставляет делать мне; в химическом кабинете мы с ним рядом сидим.

— А зачем тебе? — Я встряхнул колбу с окисью марганца, поглядел на свет.

— Это не взорвется? — Андрюшка опасливо отодвинулся.

Он вообще ничего не смыслит в химии, считает почему-то, что архитектору химия не нужна.

— Во дает... Это же простая марганцовка, чудик!.. Так зачем тебе сведения о Карякиной?

— Да интересно же! Ну, хотя бы с математической точки зрения: сколько времени это родео может продлиться?

— Родео? Почему родео?

— Ну, как ты не понимаешь: вскочит на мустанга, тот сбросит, на другого вскочит, тот еще брыкливее... И так далее и так далее. А зрители смотрят на секундомер: две секунды, три секунды...

Он вытянул из рукава свою длиннющую кисть — часы у Горяева знатные — и случайно задел сосуд, в котором шла реакция. Отдернул руку.

— Горячо! Ты что, не видишь? Взорвется, а?

— А ну-ка, раскрой учебник, градостроитель,— усмехнулся я.— Прочти мелкий шрифт, описание опыта. Это тебе не картинки рисовать.

— Да ну его,— легкомысленно отмахнулся Горяев.— Лучше расскажи про Лидкино родео... Честно говоря, я потому спрашиваю, что встретил вчера парня одного знакомого, с вашего двора. Сашка Астраханцев, знаешь?

— Ну, знаю.

— Так вот, он рассказывал, что Карякина приходила к ним на завод. Не взяли у них горячие цеха, девчонкам трудновато. Там парней охотнее берут. Интересно все же, где она теперь?

— Не знаю, Горяй. Я ведь болел две недели, из дому не выходил. Откуда же мне знать,— отвечал я Андрею.

Тут в колбе зашипело, жидкость забурлила, вспенилась. Я стал поскорее записывать в тетрадь формулы, а Горяев увлеченно рисовал на чистом листе. Когда ни посмотришь, вечно он что-нибудь рисует, башку наклоняет то к левому, то к правому плечу, а на лице такое удовольствие! Работал Андрей уверенно, нанося размашистые штрихи. Я вгляделся — получалось что-то вроде лошади...

На перемене я спросил Дельфина, что там происходит с Лидой. Витька, мне показалось, смутился.

— А что? Работает. В школу вечернюю поступила, учится.

Он крутил своим дельфиньим клювом, смотрел куда-то в сторону, и вообще мне было ясно: Витька темнил.

Домой пошли вместе, разговорились, и тут-то он мне все выложил. Оказывается, Лида работала теперь в парикмахерской.

— Я, правда, не хотел тебе говорить,— смущенно объяснял Дельфин,— потому что работа-то такая... Неквалифицированная.

— Что ты? Парикмахер! — сказал я.— Это знаешь какая работенка! Тут уметь надо.

— Чудак. Кто сказал — парикмахером? Уборщицей она работает, вот кем. Короче говоря, волосы подметает... Понимаешь,— заторопился Витька,— зато рядом! Экономия времени, экономия сил, можно учиться в девятом. Все это Лидина мать мне по секрету сообщила, а то Лидка стесняется, не велит никому говорить. Хотя что тут особенного!.. Хочется подойти, спросить, да неудобно. Она стала такая скрытная...

Я снял шапку, провел по отросшим волосам.

— А не подстричься ли? — Я подмигнул.— Зарос за время болезни, на дикобраза стал похож. Да и тебе не мешает.

Мы свернули в переулок. В маленькой обшарпанной парикмахерской уже дожидались двое, мы заняли очередь, уселись на шатких стульях и стали наблюдать. Работали два мастера. тучная женщина с простецким, добрым лицом и щуплый старикашка. Глядя на парикмахершу, не верилось, что она вообще способна выполнить стрижку или соорудить хоть сколько-нибудь нормальную прическу — уж больно сама-то непричесана. Форменная растрепа. Старичок же работал виртуозно. Сразу видно — мастер! Он юлой вертелся вокруг кресла с клиентом, заглядывал в зеркало, напевал, гребешки и щетки порхали, ножницы щебетали в его руках. Словом, залюбуешься!

— Сяду обязательно к нему,— шепнул Дельфин.

— Лида, шампунь! — позвала парикмахерша.

— Лидуша! Подметай быстрее, что делается, я говорил, грязи не терплю! — не переставая суетиться, закричал старичок.— Что это делается, боже мой!—И он с новым рвением набросился на клиента.

Вошла Лида. В руке она держала мисочку с шампунем, в другой щетку. Поставила шампунь на подзеркальник, проворно начала подметать.

— Лидуша, я говорила розовый шампунь!— протянула мастерица.— Убери этот, давай розовый.

— Скорее, скорее! — торопил старичок.— Вот так, вот та-ак, сейчас мы височки сделаем, вы, конечно, носите короткие бачки? Скорее, скорее, Лидушка, душка, дорогушка...

Лида остервенело орудовала щеткой, она ухитрялась выметать волосяные сугробы чуть ли не из-под самых ног мастера, а тот весь был в движении, прямо-таки танцевал вокруг клиента.

— Хм, хм,— нарочито громко кашлянул я.

Тут Лида обернулась и увидела нас. Она смутилась впервые в жизни.

Нам оставалось лишь немедленно бежать.

7

На другой день Юлия Михайловна сообщила, что Лида работает в парикмахерской, учится, и все обстоит благополучно...

— Вот это для нее самое подходящее дело,— кротким голосом пела Юлия Михайловна,— волосы подметать. В жизни ведь все так: одному — то, другому — это. Ничего не поделаешь, каждому свое. Девочка она молодая, старательная, я так рада, что наша Лидуша наконец-то нашла свое место в жизни!

За такие слова мне ее просто убить хотелось. Ну, не убить, так обругать крепко и обдуманно. Но придумать что-нибудь язвительное в тот момент я не смог, а потом сообразил, что ругаться с Юлией Михайловной — дело бесполезное. Ее этим не проймешь. Все равно, что чугунную болванку за брюшко пощекотать. Отрицательным эмоциям нет места в организме Юлии Михайловны. Послушает, да и опять заляжет, такого задаст храпака...

Лидку после того я долго не встречал, да, по правде сказать, и не очень-то стремился к этой встрече. Точнее, я даже избегал ее.

Кончилась первая четверть. В какое-то смутное утро я и увидел Карякину: на работу спешила.

Я еще издали узнал ее старое зимнее пальто, и шапка та же, только в руке сумочка, как у взрослой. Рядом вышагивал Мишка. Ушанка — уши враслхыст, портфель раздутый и обязательный мешочек с кедами. Я догнал их, поздоровался.

— Здрасте.— Лида кивнула.— Что это тебя не видно? Я уж думала, помер.

— Зачем помер? Уроков задают — во, по самую завязку, гулять-то не приходится.

— А как там Дельфин? В порядке?

— В полном... Я передам от тебя привет. Можно?

— Валяй.— Она вдруг фыркнула.— Зачем вы тогда явились в парикмахерскую? Проверить?

— Да нет... В качестве клиентов,— признался я.— И тебя навестить.

— Клиенты! Ой, умора!

Мишка крепко держал сестру за руку.

— Что, парень, тебя теперь в школу за ручку водят?— спросил я.

Мишка нахмурился.

— Я ее вожу,— сказал он.— Чтобы не нервничала. А то еще чего-нибудь натворит.

— Гляди, не доверяет мне,— серьезно сказала Лида.

— За ней нужен глаз да глаз.— Мишка засопел и потянул сестру за руку.

Они пошли. Я смотрел, как они удаляются: Лида сердито выговаривает что-то братишке, тот широко шагает, размахивая портфелем и притороченным кедовым мешком. Потом Лида обернулась, помахала мне рукой.

В школе я рассказал об этой встрече Дельфину, привет от Карякиной тоже не забыл передать. Витька молча кивнул, и, как всегда бывает, когда он смущается, полез в свой портфель, и стал в нем рыться. Но я-то видел, что Витька страшно рад.

Скучает Дельфин по Лидке, это я давно заметил.

— Надо будет ее навестить. Или у меня собраться,— предложил я.— Лучше у меня.

— Это можно.— Дельфин, не поднимая носа от раскрытого портфеля, кивнул головой.

— Чудачка все-таки Лидка,— сказал я.— Все у нее не по-людски получается. Будто по ухабам скачет, сплошные ухабы.

Дельфин защелкнул портфель, усмехнулся.

— Не любишь ухабы? Гладенькая дорожка больше нравится?

— Нет, почему гладенькая? У каждого свои трудности, но какие-то нормальные, что ли... Скажем, наши ребята, весь класс. Люди как люди, кто учится лучше, кто хуже, ну, бывают и провалы и срывы. С кем не случается. И ничего... А Лидка...

— Для некоторых эти самые ухабы просто не существуют,— перебил меня Дельфин.— Пускай хоть всю дорогу камнями завалят. Объедет, не заденет.

— Да ведь она как поступает? — загорячился я.— Себе во вред. Вспомни только, как с Цыбульником-то обошлась. Едва из школы не вылетела. А в учреждении? Нужный документ куда-то засунула. Ее же фактически выгнали! Все делает себе во вред!

— Зато ваша Юлия Михайловна делает все исключительно себе на пользу. Тебе это больше нравится?

Дельфин начинал злиться, я это ясно чувствовал. Но мне тоже хотелось доказать свое.

— Нет, это мне совсем не нравится. Юлия Михайловна! Вспомнил тоже. Таких поискать. Да нет, таких, наверное, больше днем с огнем не сыщешь.

— Сыщешь! Еще как сыщешь... А Лидка — живая душа. Она каждый камень на дороге чувствует. Мешают ей эти камни, убрать хочет.

— Да ведь она как действует? — горячился я.— Носом она об эти камни! Ей же хуже.

— А вот Юлия Михайловна все делает, как ей лучше...

— Далась тебе эта Юлия Михайловна! Мы же о Лидке говорим...

8

Приближался Новый год.

— Беспокоюсь я за Лиду, опять она без работы,— сказала как-то за обедом мама.

— Что?!

— Я сама сегодня только узнала, Лида ведь и не скажет, гордая... Недели три уже не работает.

— Уж не знаю, как там. Но деньги Карякиным нужны, я понимаю, да и справку в школе вечерней наверняка требуют.

— Вот не везет человеку! Неужели еще что-нибудь учудила?

— Ты вот что, Сережа. Зайди к ней, позови сюда. Поговорим, может, и придумаем что-нибудь.

Я отправился. Дома у них никого не было, и тогда я решил прогуляться к Дельфину. Застал его за вычерчиванием какой-то морской карты с целой россыпью островов. Завидев меня, Дельфин выставил вперед нос, шумно втянул воздух.

— Ого! Снежным циклоном запахло! Арктикой... Морозно?

— Не очень. Слушай, Карякина опять без работы, только что узнал.

Лицо Дельфина вытянулось, и нос поник.

— А что случилось?

— Не знаю.

Дельфин убрал недочерченную карту в папку, призадумался.

— Что-то надо делать,— соображал он.— Для начала давай сходим в Лидкину парикмахерскую, узнаем, что и как. Будем действовать в открытую.

Я согласился, и мы пошли.

— Вот видишь,— не утерпел я,— кто был прав, а? Снова Секлетея наша номер выкинула. Интересно, что за номер. Может, миску с шампунем в мастера запульнула? С розовым.

Дельфин остановился, посмотрел на меня в упор.

— Не слышал от тебя этого словечка «Секлетея». Мне оно не нравится.

— Зато я от тебя слышал.

— Так то в раннем детстве. Мало что болтали..

— Понял. Заметано.

Мы свернули в переулок.

Парикмахерская оказалась запертой, мы довольно долго стучали в старую, облупленную дверь, ответа не было, только с дверных стекол осыпалась засохшая замазка, да эхо гулко отдавалось в соседних домах. Наконец в воротах появилась старуха сторож в ватнике, с двустволкой через плечо.

— Чего ломитесь? — издали окликнула она.— Чего хулиганите? А ну, слазьте с крыльца, кому говорю?

— Нам бы побриться! — крикнул Дельфин.

— Эва! Побриться. Дак закрыто. Али не видите? — Она подошла ближе.— Нету тут ничего, дом-то ломать собираются. А ну, слазьте с крыльца!

Мы переглянулись.

— Во, чудаки,— сказал я.— Гляди: в доме ни одной живой души, окна все черные, без занавесок, а то и без стекол. Ясно, давно отсюда выехали, а мы стучим. Ничего себе наблюдательность.

Мы поплелись по переулку. Падал мягкий снежок, всю дорогу застелило ровной снежной пеленой.

Мы перешли через пустырь и оказались в нашем дворе, у самой ограды детского сада.

Красные кленовые листья еще с осени облепили проволочную сетку ограды, их припорошило свежим снежком, и это было красиво. Прозрачная металлическая сетка и островки кленовых заснеженных листьев на ней. Детвора за оградой шумела.

— Гляди, наша Лида!— сказал Дельфин.

На скамейке среди детворы действительно сидела Карякина. Мы остановились и стали слушать.

— Юрик, поди сюда! — позвала Лида.

В белой пушистой шапке с помпоном и таком же шарфе Юрик беспрекословно явился.

— Что это у тебя за пазухой?

— Конфеты,— объявил Юрик.— Много конфет.

— А-а,— протянула Лидка,— а то я уж подумала, что у тебя живот такой толстый.

Ребятишки вокруг засмеялись.

— У него в карманах тоже конфеты, ему бабушка целый мешок конфет принесла,— объявила девчушка.

— А в других карманах пряники!

— Это хорошо,— похвалила Лидка,— теперь наши ребята будут чай пить с конфетами. Ты, конечно, сладости для всех ребят приберег?

Юрик опустил голову, так что помпон с макушки свесился ему на лоб. Молчал.

— Он не для ребят, он для себя приберег,— закричали вокруг.— Лидия Леонидовна, он для себя и пряники приберег!

— Вот как,— протянула Лида.— Значит, все дети будут чай пить без конфет и без пряников. Один только Юрик с конфетами да с пряниками. Придется Юрика посадить за отдельный стол, а то ему тесно, сладости положить некуда.

Ребята засмеялись.

— Юрик,— пропищала пигалица,— а ты конфеты раздели на всех! Вместе сидеть веселее.

— Это мои конфеты,— уперся Юрик.

— Пускай он лучше отдельно сидит,— зашумели ребята.— Он всегда толкается.

— Он толкается, он сегодня Митю повалил! Митя самый маленький, а Юрик у нас самый сильный.

— Я самый сильный,— хвастанул Юрик.

— Вот как? Ну-ка, подойди сюда поближе, самый сильный,— приказала Лида.

Юрик подошел.

— Вон сколько у тебя конфет. Объешься, заболеешь, пожалуй... Скажи-ка, Юрик, а что, если к нам в группу поступит новенький и он окажется еще сильнее, чем ты? Хорошо тебе будет?

Юрик молчал.

— А что будет, ребята, если все люди так начнут: сильный бьет слабого, а слабый ищет кого-нибудь еще послабее, чтобы повалить?

— А я знаю, что будет,— снова пропищала малышка,— все люди сразу в милицию попадут.

— В тюрьму!— закричали ребята.

— И конфеты у Юрика обязательно кто-нибудь отнимет! Сильнее который.

— Да, нехорошо получится,— подтвердила Лида.— А как ты, Юрик, думаешь, правильно ты поступаешь или нет?

Ребята вокруг затихли, ждали, что скажет Юрик.

Наконец он поднял голову, и кисточка на шапке заняла правильную позицию — повисла на затылке.

— А я конфеты на всех разделю. Я слабых защищать буду.

И мальчик полез в карман за конфетами.

— Молодец. Сейчас не надо, перед чаем раздашь. Ну, идите играйте.

Мы вошли в садик. Лида уже перематывала шарф какому-то малышу, стряхивала с пальтишка снег.

— Наше почтение! — Мы разом приподняли шапки.— Войти можно?

— А-а, явились. Ну, присаживайтесь...

Мы уселись на скамейку.

— Лид, а мы думали, ты в парикмахерской...— начал я.

— Какое там — в парикмахерской! Закрыли. Ну, я и рада. Устроилась вот, интереснее.

Мы с Дельфином молчали. Лидка чертила что-то детской лопаткой на рыхлом снегу.

— Вот так,— добавила она.

— Как с конфетами-то распорядилась,— улыбнулся Дельфин.— Неприятностей не будет, а? Конфеты-то все-таки родительские.

— Благодарят пускай, что спасла ребенка от засорения желудка,— сказала Лида.

— Возьмет этот Юрик да нажалуется,— сказал я.

— Что же делать? Вполне возможно. — Она вздохнула.— Такова наша педагогическая работа. Иду на риск.

— Так. Лидия Леонидовна — педагог! — поддел Витька.

— Пока всего-навсего младшая няня... Сейчас, правда, заменяю воспитательницу, заболела она.

Дельфин продолжал улыбаться, и лицо у него было, по-моему, самое идиотское.

— Значит, ничего работенка? Нравится?

— Ага... Здесь по крайней мере можно что-то сделать существенное. Не зря живешь...

— Понимаю. Ну и как результаты?— спросил я.

— Еще бы! Но, по правде говоря, недурно бы поработать и в яслях. Ведь воспитывать человека

надо с самого раннего возраста! А то уже перевоспитывать приходится..

— Все ясно. Ну, не будем больше мешать..

— Алла! Алла! — вскочила с места Лида.— Вылезай сейчас же из сугроба! Ерохин Коля!.. Оставь Аллу в покое!

Она пошла разнимать ребятишек.

Кто-то быстро шагал мимо ограды. Остановился.

— Гляди-ка, никак, Горяев... Андрей! Заходи сюда! — окликнул я.

— А-а!.. Вы! А я гляжу, здорово как: сетка стальная, на ней листья. Красные, со снежком. Глядятся здорово. Надо этюдик сделать...

— Как дела, маэстро-архитектор? — спросил я.

— Ничего пока. На изокружке был, бегу вот к дому...— Тут он заметил Лиду среди ребятишек.— Батюшки! Карякина?! — взвыл Горяев — Теперь уже в детсаду! Ну, родео, право слово, родео.

— Заткнись, лучше покажи рисуночки,— сказал Дельфин.

Горяев присел рядом с нами, с готовностью раскрыл свой альбом. На первой странице был карандашный рисунок — церковь...

— Церковь Покрова на Нерли,— пояснил Горяев.— Летом ездил, смотрел. Красотища!

Мы с интересом перелистывали альбом. Там были разные пейзажи: реки, поля, рощи летом и осенью. И обязательно с каким-нибудь зданием в центре или сбоку. Сразу поймешь, что рисовал архитектор. Призвание налицо. Он перевернул лист, и тут мы увидели совсем другой рисунок. Карикатуру. Во всю страницу нарисована была лошадь. Встала на дыбы, беснуется, морда оскалена. А на крупе коекак держится... Лида Карякина. Ноги врозь, руками цепляется, глаза выпучены от ужаса — вот-вот слетит. Лидка получилась очень похоже. На брюхе лошади надпись: «Работа». Внизу название картины: «Родео Лиды Карякиной».

— А это, как видите...— начал объяснять Горяев.

Дельфин спокойно протянул руку:

— Давай сюда!

Он выхватил лист и порвал на мелкие кусочки.

Мы все трое переглянулись. Лидка разобралась с ребятишками и уже подходила к нам.

— Вас понял,— сказал Андрей и захлопнул альбом.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МИЛЬЧАКОВА

«Александр Иванович Мильчаков — секретарь ЦК ВЛКСМ двадцатых годов»,— написано на красном мраморе памятника, открытого недавно на Новодевичьем кладбище в Москве

Незадолго до смерти Мильчаков писал. «Мне приятно, что комсомольцы видят во мне не просто «свадебного генерала», украшающего фактом своего присутствия молодежные собрания, а политического бойца, старшего товарища и советчика, оставшегося и по сей день комсомольским работником»

Да, он оставался комсомольским работником до последнего дня своей героической, нелегкой жизни Писал, выступал, давал советы, помогал...

«Общение с молодежью меня несказанно воодушевляет, сообщает моей жизни дополнительный свет и прелесть борьбы за завтрашний день».

Александр Иванович Мильчаков — человек удивительно яркой биографии. В 15 лет он создает первые ячейки Социалистического союза рабочей молодежи имени III Интернационала в Вятке, а в 16 лет — подумать только! — избран секретарем губкома РКСМ в Перми Через десять лет он уже генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ К этому времени его считали своим «с головы до пят» комсомольцы Урала и Сибири, Украины и Северного Кавказа, которые звали его «наш Саша» — там он в начале двадцатых годов создавал комсомольские организации

На первом съезде комсомола Франции, куда Мильчаков, рискуя жизнью, с чужим паспортом, сумел добраться, его доклад о работе РЛКСМ был встречен громом оваций, пением «Марсельезы» и «Интернационала».

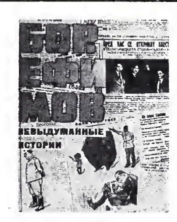
Блестящий оратор, публицист, живой, остроумный человек, он всегда был в гуще событий; на комсомольских съездах, пленумах, собраниях с нетерпением ждали его выступлений

О времени и о себе Мильчаков рассказал в своих книгах — «Первое десятилетие», «Рядом старший друг», главы из которых печатались в «Юности». Почти с первых лет основания журнала он стал его постоянным автором. В своих воспоминаниях он создал яркие портреты славных вожаков комсомола двадцатых — тридцатых годов: Оскара Рывкина, Петра Смородина, Николая Чаплина, Александра Косарева...

Александр Иванович Мильчаков писал: «Каждое новое поколение решает новые исторические задачи в новых условиях и ищет для этого свои методы, свой стиль жизни и деятельности. Воспринимая опыт, традиции и достижения предшественников, отцов и дедов, наследники призваны революцией идти вперед, делать больше и лучше».

А. ПУГАЧ

Юрий ЦИШЕВСКИЙ

СКВОЗЬ ГОДЫ МЧАСЬ

Шел январь 1926 года. Молодое Советское государство получило дипломатическую ноту от правительства Великобритании, подписанную Остином Чемберленом, где говорилось о «грубо-оскорбительной карикатуре на первой странице «Известий», изображающей британского министра иностранных дел аплодирующим казни литовских коммунистов»[1]. При этом надо сказать, что в газете под рисунком молодого художника Бориса Ефимова не было подписи, указывающей на то, что изображенный джентльмен с моноклем является британским министром. Но тем не менее ярый антикоммунист лорд Чемберлен узнал себя и пришел в бешенство.

Этот факт, вошедший в историю дипломатии, явился своеобразной наградой для талантливого художника — публициста и сатирика Бориса Ефимова. К тому времени его рисунки не сходили со страниц «Известий» и других центральных газет, он прочно встал в первый ряд прославленных художников-сатириков, таких, как Дени, Моор, Черемных.

Приведенный выше эпизод с незадачливым лордом описан в одной из глав автобиографической книги Бориса Ефимова «Невыдуманные истории» (издательство «Советский художник», Москва, 1976). Страницы книги воскресили в моей памяти атмосферу тех далеких лет, я вспомнил, как, будучи подростком-детдомовцем, раскрывая страницы свежих газет, с удовольствием находил в правом верхнем углу на первой полосе «Известий» новую карикатуру Б. Ефимова. Каждый его рисунок в юмористической форме убедительно иллюстрировал и дополнял газетный текст. «Хлесткий» ефимовский штрих с небольшим перовым нажимом сразу можно было узнать, не глядя на подпись. Дарование этого мастера замечательно тем, что его рисунки при всей их сатирической направленности содержат покоряющий юмор, можно даже сказать, лукавство, «герои» ефимовских карикатур очень смешны. Здесь уместно заметить, что художник-сатирик в буквальном смысле слова «перо приравнял к штыку»: его работы всегда разят без промаха врагов нашей страны и воздействуют на читателя не меньше, чем фельетон или пропагандистская статья.

Возвращаясь к прошлому, мне хочется рассказать о том, что в период первых знакомств с рисунками Бориса Ефимова я представлял себе автора седовласым метром, старым «сатирикоицем». И поэтому, когда в начале 30-х годов мне довелось увидеть его выступающим на открытии выставки произведений Кукрыниксов, я был поражен тем, что перед собравшимися стоял улыбающийся, подтянутый, совсем молодой человек и произносил приветственную речь, обращенную к своим коллегам по сатирическому цеху, приправляя слова добродушными, шутливыми замечаниями.

С тех пор прошло немало лет, но Борис Ефимович почти не изменился (если не считать поредевшей шевелюры). Он сохранил свой прежний беспокойный характер, сохранил любовь к путешествиям и ту же страсть к общественной деятельности; он попрежнему блещет оптимизмом и остроумием, и его рисунки также остры и безукоризненны.

Но вернемся к книге Б. Ефимова. В послесловии к ней автор говорит: «Я родился в последнем году прошлого столетия — 1900-м. И надо сказать, что год этот оказался чрезвычайно удачным в том отношении, что автоматически делал меня ровесником всех выдающихся дат века. Например, в 1917 году мне было семнадцать лет, в 1922-м — двадцать два, в 1945-м — сорок пять, а скажем, в 1970-м исполнилось, как и следовало ожидать, ровно семьдесят лет». Эти авторские слова уже предопределяют содержание книги. Действительно, Борису Ефимовичу повезло: он оказался не только ровесником, но и свидетелем многих важнейших событий, связанных с историей нашего государства, встречался со многими интересными людьми и рассказал обо всем этом в своей книге, написанной прекрасным, живым и красочным языком.

Первые главы переносят читателя в 1918 год, в Киев, охваченный огнем гражданской войны, где друг друга сменяли враждующие между собой антисоветские банды, кайзеровские оккупанты. Юный Борис Ефимов, прислушивающийся к различным ораторам на митингах и начинающий понимать правду большевистского слова, делает уличные зарисовки, фиксирует в своем альбоме текущие события. В его сатирическом наброске Симона Петлюры, в зарисовках гайдамаков, деникинцев, белогвардейских карателей начинает чувствоваться профессиональная рука художника, и, как сказал об этом сам автор: «Во мне уже начинал шевелиться будущий карикатурист».

Эти страницы, рассказывающие о революционных событиях на юге России, по-настоящему увлекательны, а сопровождающие текст авторские рисунки делают читателя как бы сопричастным неповторимым событиям. Посмотрите на рисунок «Типы деникинцев». Художник назвал его карикатурой. Небольшая сатирическая утрировка в нем, бесспорно, присутствует, но, в сущности, рисунок документальный, на нем представлены «всамделишние» типажи деникинцев с достоверно переданными характерами. И мы смеемся над ними, так как нам трудно представить

[1] В то время Литва была буржуазным государством.

«Что ты сделал для охраны природы?»

Дорогая «Юность», мы недавно посмотрели фильм «Ты —мне, я — тебе» В этом фильме есть такой кадр: с завода по трубам стекает в реку какая-то красная жидкость, и в этом месте около берега — огромное количество мертвой рыбы. Зрительный зал смотрел на мертвую или умирающую рыбу и потрясенно молчал.

Нам в школе много раз говорили, что нужно беречь природу, что нельзя загрязнять реки и озера, нельзя уничтожать леса и их обитателей. Очень правильно, что это записано в проекте Основного Закона нашей страны Мы считаем что молодежь должна всегда стоять на страже наших природных богатств, поэтому мы обращаемся к вам с просьбой: расскажите, что делается у нас для охраны природы, как борются с загрязнением рек

И еще. Мы хотим, чтобы каждый, кто прочтет это письмо, спросил себя: «А что я сделал для охраны природы?»

Десятиклассники
А. КОЛЕСНИКОВ, М. БОРИСОВ, Т. ПРОХОРОВА.

Москва.

Редакция попросила заведующего отделом гидрологии Института географии АН СССР доктора географических наук профессора М. И. Львовича, который в течение ряда лет был президентом Международной комиссии поверхностных вод Ассоциации гидрологических наук, ответить на письмо московских школьников.

✪

Чтобы понять, какое значение придается в нашей стране охране природных ресурсов, достаточно вспомнить Декрет о земле, принятый Вторым съездом Советов 27 октября 1917 года: «Все недра земли, руда, нефть, уголь, соль и т д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства». Это был первый документ Советской власти, в котором формулировались основные требования по охране природы.

В Советском Союзе всегда велась большая работа, связанная с сохранением окружающей среды, но сейчас это дело требует качественно иного подхода. Вот почему в проекте новой Конституции СССР данной проблеме уделено большое внимание.

Ребята в своем письме поставили вопросы исключительной важности Гибель рыбы — это утрата важнейшего продукта питания, свидетельство омертвления воды. Отвечая на письмо ребят, я хотел бы сказать несколько слов о воде.

Наша страна занимает второе место в мире после Бразилии по богатству водных ресурсов. И, хотя водные ресурсы СССР превышают 4000 кубических километров в год — это десятая часть мировых запасов пресной воды,— все же мы обеспечены пресной водой в недостаточном количестве. Сложность проблемы заключена в том, что наша страна грандиозна по территории и одна десятая мировых запасов воды приходится на одну шестую часть суши. Выходит, что на единицу территории наша страна относительно бедна водой. К тому же в СССР водные ресурсы распределены неравномерно: та часть нашей страны, где сосредоточены 80% населения и производства, располагает лишь 20% всех запасов пресной воды. Посмотрите на карту, и вы увидите, что такие колоссальные реки, как Енисей и Амур, текут в районах, где пока нет потребностей в таком количестве воды. И, наоборот, Центральный экономический район, образно говоря, страдает от жажды. Вот тут-то и возникает острейшая проблема охраны пресных вод Решается она различными путями.

Настоятельно необходимо, чтобы на единицу любой продукции расходовалось минимальное количество воды

Как этого добиться? Прежде всего совершенствованием производства. К примеру, на старых нефтяных заводах Баку и Грозного расходовалось по 20—30 кубометров воды на одну переработанную тонну нефти Сейчас построены заводы, на которых этот показатель сокращен в десятки раз Но и на этом останавливаться нельзя. Уже начато строительство заводов, где вода вообще не будет использоваться. Вот это и есть самое рациональное решение вопроса охраны количества, а кстати, и качества воды.

Следует подчеркнуть: для сельского хозяйства, вообще для растительности и для личного потребления воду жалеть не приходится, так как это высшая форма ее использования. Но и здесь должна соблюдаться разумная экономия.

Теперь несколько слов об охране качества воды Это вопрос чрезвычайной важности, так как воды может быть много, но если она загрязнена или плохого качества, то фактически она мертва. На Западе, например, предлагают решить эту проблему путем снижения потребления: сворачивайте производство, и вода не будет грязной Это предложение нереально. По данным ЮНЕСКО, треть населения земного шара голодает или недоедает, лишена элементарных средств существования. Как можно в таких условиях говорить о сокращении производства? Наоборот, нужно думать о его росте, чтобы накормить, одеть и обуть людей, повысить их благосостояние

В нашей стране принимаются самые серьезные меры по охране вод от загрязнения. И это естественно. Ведь в проекте Основного Закона СССР говорится: «Граждане СССР имеют право на охрану здоровья

Это право обеспечивается мерами по оздоровлению окружающей среды..» (статья 42). Одна из широко применяемых мер — очистка отработанных сточных вод. В Москве, например, работает одно из лучших в мире очистных предприятий — Курьяновская станция очистки, где вода подвергается тщательнейшей обработке. И хотя наша столица ежегодно расходует около полутора миллиардов кубометров, вся эта вода очищается.

Слов нет, очистка — дело хорошее, но, думается, сам принцип этой борьбы с загрязнением все-таки требует рационализации. Необходимо главное внимание уделять не появившимся в воде загрязнениям, а не допускать их. Такой профилактический подход, несомненно, более эффективен.

Следующим важным условием является замкнутое водоснабжение. Также необходимо эффективно использовать городские сточные воды, ведь они содержат огромное количество удобрений. У нас имеется около ста тысяч гектаров полей, орошаемых сточными водами, но это лишь первые шаги. И это не единственная возможность утилизации сточных вод. Их можно использовать на предприятиях, которые не нуждаются в абсолютно чистой воде, например, на ТЭЦ и ГРЭС. В самом деле, сброс сточных вод в реки и водоемы—архаизм. В современных условиях, когда сточной воды стало гораздо больше и степень ее загрязненности возросла во много раз, такая допотопная система требует принципиального изменения.

Таким образом, еще одна конкретная мера по охране водных ресурсов — прекратить спуск загрязненной воды в реки и водоемы.

В статье 67 проекта Конституции сказано: «Граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства». Мы с вами говорили здесь о воде как об одном из элементов окружающей нас среды. Но ведь мы уже со школьной скамьи хорошо знаем, насколько тесно связаны между собой все элементы природы. Все находится в сложном переплетении, поэтому невозможно строить планы охраны каких-то отдельных элементов природы. Надо охранять всю природу. Но в то же время нельзя забывать о том, что в каждом из ее звеньев есть свои особенности, требующие определенного специфического подхода.

В заключение хочется отметить, что советские люди имеют полное основание смотреть на будущее водных ресурсов, всего ландшафта в целом оптимистически, но для этого необходима серьезная, целенаправленная работа не одного поколения, и на молодежь возлагаются большие надежды, чтобы дело, начатое старшими, было доведено до конца.

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ АВТОРОВ

Белла Ахмадулина избрана почетным членом Американской Академии искусств.

Почетным членом этой академии является и Андрей Вознесенский. Недавно он избран почетным членом Французской Академии имени Малларме.

Виктория Токарева — один из авторов художественного кинофильма «Мимино», которому на X Московском международном кинофестивале присужден Золотой приз.

Редакция журнала «Юность» поздравляет своих авторов и желает им новых творческих успехов.

ФИЛЬМЫ-ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

В последние годы фильмы о будущем занимают значительное место в кинематографической продукции — если не по количественному признаку, то по более важному — качественному. Чем объяснить это повторяющееся обращение в завтра? Случайностью? Совпадением? Уже давно известно, что современная кинопромышленность изучает рынок сбыта так же, как это делает любая другая. Фильмы о будущем свидетельствуют о наличии конъюнктуры — интереса к завтрашнему дню.

Футурологи, предсказатели, гадалки, провидцы — все занимаются угадыванием завтрашнего дня. Наука, шарлатанство, заблуждения и знания — все эксплуатируют интерес человека к будущему. Техническая революция сделала этот интерес более пристальным. Человеческий гений создал компьютеры, вычислительные машины и космические ракеты, но он же подарил миру водородную бомбу. Компьютер может служить и разрушению и созиданию. Все зависит от того, в интересах какого общества будут использованы открытия ученых.

По-разному видят мастера кино будущее человечества. В одних фильмах техника достигла еще большего. В других—мир возвращается к тому, от чего, казалось бы, он давно ушел. В одних фильмах человечество не знает бедности, в других оно уже не способно себя прокормить. Но одна примета объединяет эти фильмы. Одна страшная, безотрадная примета. С компьютерами и со свечами, сытый и голодный — это одинаково жестокий, злобный, бесчеловечный и бездуховный мир. В голодном Нью-Йорке «Зеленого сойлента» не легче дышится, чем в сытом, комфортабельном Нью-Йорке с «Роллерболлом». Богатство не приносит людям радости, нужда не делает их добрее.

За последние годы не появилось в западном кинематографе такого фильма о будущем, который вселял бы веру и надежду в дальнейшее развитие капиталистического общества. Есть люди, которые верят, что самолеты станут еще быстрее, телевизоры совершеннее, а вычислительные машины сложнее. Но лучше, справедливее, гуманнее они завтрашний день не видят. Никто не надеется на чудо. Не будет его. Золотой век человечества, о котором мечтали утописты, остался утопией. Если верить современному западному кинематографу, миром будущего станет править отчаяние, несправедливость и ненависть.

Все фильмы, о которых говорилось, при всех отличиях построены по одному принципу: они проецируют день сегодняшний в завтра. Они экстраполируют в будущее беды и болезни современного общества. Расстояние с точки зрения человеческой жизни берется достаточно большое, с точки зрения истории человечества — малюсенький отрезок времени. Но этот одновременно большой и маленький отрезок времени, как рисуют все фильмы, будет бесславным, трудным и тяжким путем.

Его прообразы видятся создателями фильма в современных буднях. Сегодняшнее бездуховное западное общество приводит в конечном итоге к обществу роботов, неравноправие — к цивилизованному рабству, варварская эксплуатация природных богатств — к полному оскудению земли, попрание человеческих свобод — к разновидности фашистского режима.

Создатели всех этих фильмов принадлежат к достаточно распространенной на Западе категории людей, которая, ставя диагноз, не видит средств для лечения болезни. Они рисуют современное капиталистическое общество неизлечимо больным, не находя, не видя путей исцеления. При всей беспощадности к современному буржуазному обществу никто из них не видит иных путей, не верит в социальное переустройство мира. Их взгляд на будущее — это мрачный, пессимистичный взгляд.

Но, наверное, надо сказать им спасибо и за это. В конце концов умение поставить диагноз тоже многого стоит. Своими фильмами они все-таки разбудили мысль. Они уже посеяли тревогу.

У мира есть альтернатива мрачному будущему капиталистического общества. Есть пример другой жизни — жизни, которой нынче исполняется 60 лет. Шестьдесят лет существования нового общества в СССР и несколько десятилетий — в других странах социалистического содружества показали человечеству пути, где успешно решаются и решены проблемы, с которыми не в состоянии справиться капиталистический строй.

На только что закончившемся в Москве X Международном кинофестивале, прошедшем под девизом «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами», демонстрировались созданные западными кинорежиссерами фильмы. В ряде этих фильмов звучала нота надежды на лучшее будущее. Но не капиталистическому строю принадлежит такое будущее.

Было время, когда музы мастеров кино, ставящих картины о близком или далеком завтрашнем дне, питались в основном видениями иных миров. Пришельцы с других планет, посланцы чужих цивилизаций несли земле беды, добро, страдания, любовь, злобу. Прошло время, совсем недолгое время, и стало ясно: не нужны западному кинематографу иные планеты, другие цивилизации. Не нужны привнесенные из вселенной болезни и страхи, потому что реальные беды и болезни современного общества, сфокусированные в завтрашнем дне, оказались куда более серьёзными и пугающими, чем самые страшные ирреальные мифы. Делать фильмы о будущем стало легче и труднее. Потому что в конечном итоге они все о том, что происходит на Западе сегодня, сейчас, сию минуту.

Они стали злободневны. Тревожно, пророчески злободневны.

Это фильмы-предупреждения, фильмы-предсказания, фильмы-предостережения.

Станислав
ТОКАРЕВ

ПОВЕРНИСЬ, КОЛЕСО, ПОВЕРНИСЬ!

Я сказал:

— Бела, можно для начала сказать вам, что я о вас думаю?

Кароли подался вперед длинным узкоплечим телом — совершенно не гимнастическим. Он был заинтересован. И я мысленно поздравил себя с удачным репортерским трюком, хотя, в общем, это не было трюком: просто накопилось, что сказать Беле Кароли о Беле Кароли.

Перед Олимпиадой наши специалисты гадали, откуда он такой взялся — загадочный тренер из небольшого румынского города Георгиу-Деж. Не гимнаст, а гандболист, он вырастил гимнастку, которая, едва выйдя на мировой помост, тотчас, что называется, без предисловий, стала на этом помосте несомненным и безоговорочным лидером — 15-летняя (это теперь) красавица-лицеистка Надя Комэнеч[1], Герой Социалистического Труда Румынии.

Мы гадали, откуда набрался этот Кароли знаний и опыта. Ну, книги он, конечно, читал — наши прежде всего методические пособия. Но их изучает весь мир. А лучшая гимнастка мира одна, и живет она в Георгиу-Деж. Ну, женат Кароли на гимнастке, на очаровательной Марте, которая в их сборной когда-то была, но мало ли кто в мире выбрал себе

[1] Именно так звучит фамилия Нади.

в подруги жизни стройную девушку с медалями в приданом. А абсолютная чемпионка Олимпиады тренируется у Кароли...

Один из нас сказал:

— Может, он просто умный?

Другой спросил:

— Мы, значит, дураки?

— Не в том дело. Может быть, Бела Кароли в некий сложный, ключевой момент хода развития женской гимнастики понял нечто ключевое, решающее, быстрее и глубже других?

Я не был в Монреале, но нет худа без добра, поскольку те комбинации Нади, которые показывало телевидение, смотрел сперва в непосредственной записи, потом в замедленной съемке. Помнится, тогда спорили, заслужила ли она свои многочисленные «десятки». 10 баллов — оценка абсолютная, предполагающая идеальное исполнение, чтобы ошибок ни на микрон, а они все же, кажется, были... Но знаете что? Когда, заканчивая обязательное упражнение на брусьях, Надя после оборота вокруг нижней жерди взмыла, воспарила в воздух и зависла, раскинув руки, выгнутая, как юный полумесяц, в совершенную по форме полудугу... Чье бы не дрогнуло тогда гимнастическое сердце? Кто мог покуситься на окаянную эту «десятку», хотя приземление было не стопроцентно четким?

Я ночь не спал, честное слово. И к утру понял, что в стремительном тугом волчке трюков, который и есть сегодня женская гимнастика, в волчке, что все туже и быстрее день ото дня, сила Нади в другом. Она все, что другие, тоже умеет — вертеться над ковром через голову и вокруг своей оси, летать, кувыркаясь и вращаясь, над жердями брусьев и под жердями, между ними и — непостижимым образом — вдалеке от них и виться над бревном. Умеет все, но при этом она гимнастка. Не мышечное чудо, не живой реактивный аппарат. Гимнастка прежде всего: изящная и пластичная.

У нее балетный носок. Округлая плавная кисть. Она блюдет извечные каноны гимнастической красоты — латынинские, астаховские, от которых стали отвыкать помаленьку даже судьи, поскольку не до них — не до канонов — в кручении волчка. Она взяла и показала, что девушка может сегодня заниматься этим видом спорта на высшем уровне, оставаясь женственной.

Помню, перед Олимпиадой, на Кубке СССР, когда минчанка Лида Горбик — нежная, большеглазая, лирическая, тургеневская — высоко и точно исполнила двойное сальто в вольных упражнениях, ее тренер Виктор Хомутов ходил вокруг помоста и всем встречным и поперечным повторял одну фразу: «Доказали мы, что красивые девушки тоже могут крутить двойные!»

Он имел в виду, конечно, не то, что одна его Лида красивая, другие — нет. Имел он в виду несоответствие Лиды современному типу гимнастки.

Потому что с легкой руки Ольги Корбут этому типу соответствуют девчонки-мальчишки, крохотные, резкие и дерзкие.

Один спортивный психолог говорил мне, что этот тип характеризуется «ярко выраженным стремлением к достижению цели, повышенным чувством соперничества, значительно преобладающим над тенденциями тревоги и опасения, но в то же время пониженным эстетическим чувством, сравнительно невысокой самостоятельностью и самодисциплиной в тренировках».

Последнее понятно. Оно оттого, что девчонки-то маленькие по возрасту. Они подчинены тренеру, в руках тренера целиком и полностью, и личное в них еще дремлет.

В автобиографической повести «Негладкий лед» Ирина Роднина размышляет: «Дети, мне кажется, устают прежде всего эмоционально. Физически они гораздо выносливее нас, взрослых. У них богаче координация, их организм легче восстанавливается после нагрузок. Отсюда нынешняя тенденция на омоложение большого спорта, тяга к тому, чтобы совсем юных привести к высоким результатам. Современный спорт — это огромные объемы тренировочной работы, а так как дети восстанавливаются быстро, то, имея дело с юными спортсменами, нагрузки не нужно так тщательно рассчитывать».

Выходит, что «современный тип» — это не только определенная физическая и психическая структура. Это в первую очередь определенный возраст. Иные из сверхэлементов сегодняшнего трюкового репертуара таковы, что исполнить их в состоянии лишь отлично тренированный ребенок. Взрослым девушкам они не под силу просто потому, что помехой служит их рост и вес. Гимнастике грозит опасность превратиться из массового вида спорта в занятие для вундеркиндов, которые, повзрослев, вынуждены будут покинуть помост.

Вроде хора мальчиков — голоса звучат лишь до той поры, покуда не станут ломаться.

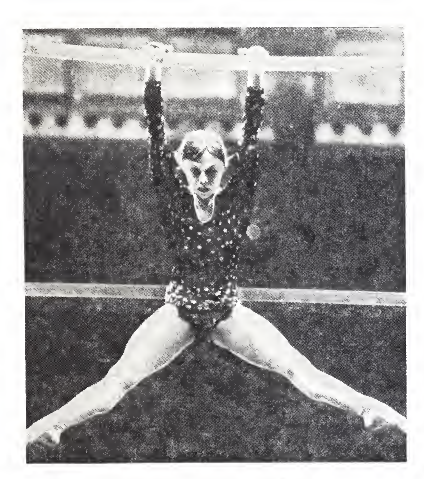
Так вот, Надя Комэнеч все эти умозаключения опровергает. Вспомнная, какова она на помосте, приходишь к двум парадоксальным выводам. С одной стороны, в памяти словно бы не удерживаются отдельные, особо эффектные звенья ее программы. Она воспринимается в целом, как нечто прекрасно сложное и прекрасно логичное. Монолог на едином дыхании. С другой стороны, Надя не пробуждает в нас того смешанного чувства восторга, умиления и некоторого опасения за нее, которое вызывают обычно в зрителях все эти смелые пичуги с бантиками.

И это не только потому, что она внешне, в поведении, не по летам взрослая — надо видеть, как бестрепетно разминается возле помоста румынская мадонна с челкой до бровей, когда прямо на лоб ей нацелены полсотни фото- и кинокамер... Это и благодаря ее уверенности на снарядах, которая объясняется предельно рациональной техникой исполнения. И самое главное потому, что программа Нади — не «возрастная», не рассчитанная на сиюминутный эффект, на то, чтобы пенки снять. Она «навырост». Бережная, я бы сказал, программа. Имеющая целью служить долго. Предназначенная для спортсменки в расцвете сил и таланта.

Такой же была когда-то программа Турищевой. Сколько ж поначалу падала и ошибалась Люда, как же мы, непрошеные советчики, убеждали ее тренера Владислава Растороцкого поступиться двумя-тремя сложными связками! Он стоял на своем, дожидаясь, пока исполнительница «врастет» в программу, и, когда репертуар оказался наконец впору, Турищева стала недосягаема.

С Надей несколько иное. Говорят, что она холодновата — чувства в ней не плещут, она кажется надменной и недосягаемой, музыка не одухотворяет ее — совершенна лишь форма движения. Но учтем, что шестнадцать-то ей исполнится только 12 ноября, и душе ее еще предстоит проснуться по-настоящему. Важно, что она, вероятнее всего, доживет на помосте до полного эмоционального пробуждения. Доживет, а многие вряд ли. Многие уйдут, не раскрывшись.

Вот что я сказал Беле Кароли. И он ответил, что

Эта комбинация принесла Елене Мухиной золотую медаль чемпионки Европы на брусьях.

Он сказал, что у него есть разные приемы для того, чтобы снизить это напряжение. Например, вот такой. В первые минуты тренировки он словно не замечает девочек — они кувыркаются, как хотят. Они играют, их тела просят движения — так они втягиваются в рабочий ритм. Потом идет основная часть дела, а в конце он уходит, оставляя им задание...

— И они его, конечно, не выполняют. Когда я играл в гандбол, для меня огромным удовольствием было получить мяч в полное распоряжение и увидеть, что за тренером захлопнулась дверь. Сколько ни уважаем, сколько ни любим мы тренера, все равно по молодости лет нам нравится схитрить за его спиной, сделать не то, что велено, а то, что хочется. Наверное, не у всех это так, но, думаю, у большинства... Так вот, девчонки надо мной хихикают, но они-то не знают, что я уже успел получить от тренировки все запланированное.

Я вспомнил, что в свое время в зале, где работал Владислав Растороцкий, видел гордую надпись мелом на бревне: «Мы сделали все фляки». Растороцкий тоже оставил тогда учениц на время без присмотра, и они таким образом ему рапортовали. Я вспомнил об этом и рассказал Кароли. Он усмехнулся.

— Прекрасно, если «все фляки», а если даже не все? Нельзя, чтобы молодого человека, маленького человека угнетала подчиненность — пропадает удовольствие от занятий.

Он сказал, что его беда вот в чем — не был сам гимнастом, не испытывал мышечных и психологических ощущений, присущих этому виду спорта. Поэтому он вынужден постоянно побуждать своих девочек к самоанализу, чтобы они ему, Кароли, могли рассказать то, чего он не знает.

— Я думаю,— он сказал,— что если человек на занятиях размышляет и анализирует и ему интересно, он увлечен процессом рождения мысли, одно это уже предохраняет его от напряжения. Ребенок устает нервно, когда в нем подавляется личность.

...Брал как-то я интервью у одной малолетней звезды. Спросил:

— Какую ты цель перед собой ставишь — главную, заветную цель?

Она ответила тонким, кротким, кукольным голосом:

— Какую тренер скажет.

Мне стало жалко ее, но я подумал, что сам, наверное, виноват: не расспросил как следует, не расположил к себе — она маленькая, она стесняется постороннего человека. И так я с ней и этак: должна же быть мечта у девочки-спортсменки...

Она подумала и сказала:

— Улучшить произвольную на бревне.

Господи! Это что—«современный тип»?

Рассказал об интервью Ларисе Петрик, олимпийской чемпионке в вольных упражнениях 1968 года.

я прав: именно из этого он и исходит в работе с Надей и другими ученицами.

Он ударил кулаком по столу.

— Трюк,— сказал,— не моя гимнастика. Я чувствую вину перед спортом. Я погубил две генерации, два поколения. Из них ничего не вышло — они навсегда покинули зал, усталые и разочарованные. Только сейчас я понял простую истину. Нельзя торопиться. Уча детей азбуке, нельзя сразу прыгать от «а» к «зет». Последовательно, от буквы к букве — только так.

— Но ведь вы, Бела, из тех как раз специалистов, которые первыми привели в гимнастику совершенных младенцев, и «гимнастика вундеркиндов» — ваша.

— Я повторяю: идти надо не от «а» к «зет», а от «а» к «б» и так далее. Для этого нужно время.

— Время, проведенное в спорте,— сверхнапряженное время. Вопрос не в том, как рано начинает человек занятия гимнастикой, а в том, когда он заканчивает. Успевает ли реализовать со всей полнотой творческий потенциал. Психология доказала, что прежде всего не мышцы изнашиваются, а нервная система. С возрастом в спортсмене, так сказать, уменьшается стрессоустойчивость. Мы видим, как стабильны на снарядах ваши девочки. Мы понимаем, что эта стабильность дается огромным количеством повторений одного и того же — на тренировках. Повторы каждый раз связаны с нервным напряжением. Это не тревожит вас?

— Впрочем, что с нее взять,— говорю,— ей всего пятнадцать...

Петрик спросила:

— А когда мы с вами познакомились, сколько мне было?

— Столько же,— я сообразил.

— А я разве была такая?

Была она вот какая (цитирую собственную заметку тех лет): «...похожа на ласточку. Нет, на стрижа... На бревне ее шатнуло. Она сбалансировала, удержалась, и дальше бы ей осторожничать, а она еще смелее, размашистее. Потом я у нее спросил, екнуло ли сердце. «Нет, это хорошо вышло. Я как раз наоборот — вся собралась, подобралась. Я перед этим элементом подумала: «Вот сейчас упаду». А так нельзя. Надо думать: «Сделаю, и точка». Ладно, так мне и надо. В другой раз умнее буду». Сыплет, сыплет скороговоркой, а сама пританцовывает и быстренько утирает ладонью капельки пота с веснушчатой переносицы. И такая вся, словно заряжена электричеством...»

Она была личность. Не одна — вся команда: Кучинская, Петрик, Дружинина (еще не Воронина), Харлова (еще не Карасева), Турищева, Бурда. Красивая команда олимпийского 1968 года.

Что происходит, в самом деле? Поголовное ли увлечение трюком во имя трюка, забота о том, чтобы побыстрее выдать этот трюк, всех поразить и всех обскакать — это ли словно обезличило женскую гимнастику? Надолго ли это? Или уж насовсем?

Кароли сказал:

— Я думаю все же, что не пятнадцать лет — возраст расцвета на помосте. Восемнадцать — я так думаю.

Еще сказал:

— Не надо волноваться. Колесо повернется. Красота снова будет в цене. В самой высокой цене.

Я подумал: если бы не было Кароли... его и Нади... их надо было бы придумать.

P. S. Осенью 1978 года в Страсбурге состоится очередной чемпионат мира по гимнастике, и сейчас, летом 1977-го, когда я пишу эти строки, представляется, что самыми главными нашими соперницами в борьбе за командное первенство будут гимнастки Румынии. Командой мы за всю нашу историю проигрывали лишь однажды — в 1966-м. Сборной Чехословакии. Она была в целом послабее нашей, зато обладала блистательным лидером — Верой Чаславской: нам некого было ей тогда противопоставить.

Кого же противопоставить в 1978-м?

Может быть, Лену Мухину? 16-летняя москвичка всерьез сражалась с Надей в Праге. Беленькая и изящная («несовременного типа»), с простым и недетски суровым лицом, с душой, загадочной пока даже для тренера Михаила Клименко, она держит всех на расстоянии от себя...

Может, она. Может, иная из длинной шеренги, в которой каждая, в сущности,— вещь в себе. Потому я и не называю других имен. События женской гимнастики скоротечны.

Лишь бы не были скоротечны судьбы.

ПОД ПАРУСОМ

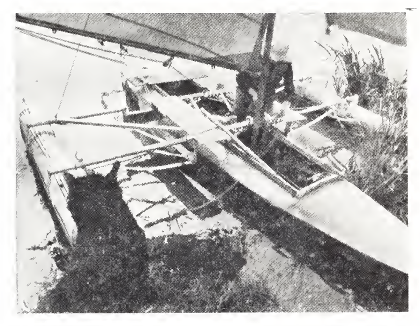
Помню, как шхуна «Заря», на которой в свое время я плавал, по дороге с островов Фиджи на остров Таити бросила якорь на внутреннем рейде города Апиа, столицы Западного Самоа. Погода стояла солнечная, тихая, и бухта, защищенная от океанского наката коралловым рифом, была почти зеркальной.

Каждый день «Зарю» окружали самоанские лодки. Чувствовалось, что наша парусная шхуна поразила местных жителей. Поднявшись к нам на борт, самоанцы со знанием дела осматривали парусник, ловко взбирались на мачты, вертели огромный деревянный штурвал. А я тем временем знакомился с их лодками.

У меня была причина для этого любопытства. В первые послевоенные годы, когда я был мальчишкой, на экранах наших кинотеатров шел «Ураган», голливудская пастораль на полинезийскую тему. Содержание фильма было таково. На одном из тихоокеанских атоллов живет потрясающе красивый парень, который в свободное от морских купаний время — купаний вместе со своей любимой, разумеется,— работает лоцманом на сухогрузе, совершающем рейсы между мелкими островками Океании. На второй день после свадьбы парень уходит на корабле на остров Таити и в одном из портовых кабачков Папеэте случайно ввязывается в драку. Суд. Тюрьма. Первый побег. Парня ловят, прибавляют срок. Он бежит снова. Снова попадается и получает новую прибавку к сроку. Так повторяется несколько раз. Бедный лоцман успевает отсидеть лет пятнадцать, когда ему удается совершить наконец удачный побег. Он угоняет маленькую полинезийскую лодочку с балансиром и на ней, преодолев по Тихому океану чуть ли не тысячу миль, приплывает на свой атолл, где ждут его верная жена и уже взрослая дочь...

Такая история, в которой больше всего меня поразила эта лодочка. И вот я увидел рядом с собой точно такие же лодочки.

Представьте ствол дерева, выделанный на манер узкого длинного корыта. В сторону отходят две легкие жерди. А к ним прикреплен балансир — бревно, скользящее по воде. Такая конструкция делает лодку устойчивой даже на волне. Грести нужно похожим на лопату веслом. Но можно поднять складывающуюся мачту с треугольным парусом, и тогда лодка наберет скорость даже при не-

На байдарке устанавлнвается парус...

большом ветре. Вся конструкция очень легкая. Мы видели, как самоанец, взвалив лодку иа плечо, без особого напряжения уносил ее подальше от берега, чтобы во время прилива не смыло волной.

Лодки очень маиевреииы. Если ты хорошо владеешь веслом — а иаучиться этому оказалось ие так уж сложно,— то можно гнать свою посудину вперед, вспять, вертеться иа месте. Плавая иа ией, испытываешь иеобычиое ощущение. В этом деревянном корыте сидеть приходится так иизко, что вода рядом, ее можио коснуться, ие иаклоияясь. И создается ощущеиие, что и ты сам, и лодка, и вода — все это одно целое.

Все время, что шхуиа стояла на Самоа, едва выдавалась свободиая минутка, я и мои друзья гоняли иа этих долбленках вокруг «Зарн».

Вот что вспомиил я, посмотрев недавно любительский фильм о туристах-парусниках.

Представьте себе такую картину: группа туристов гребет на обычных фофанах по Селигеру. В одной лодке догадались поставить жердь, и иа этой иаспех сооруженной мачте иатяиуть байковое одеяло. Примитивный парус поймал ветер, погиал лодку вперед...

Потом кадры, снятые год спустя той же компаиией на том же Селигере: три соединеииых вместе фофана идут под одиим парусом. Две передние лодки накрыты дощатым настилом. В третьей, кормовой, находнтся управление необычным судиом. Вндно, что теперь конструкцня обдумана зараиее, как заранее сшит и парус. Все сооруженне выглядит надежным, грузоподъемным и... иеуклюжим. Поэтому не удивляешься, что в следующем сезоне наши зиакомые приезжают на озеро со сборным швертботом н сборной же байдаркой фабричиого пронзводства. Позже эти, как и подобные нм суда других владельцев, обрастут самодельнымн усовершеиствованиями, парусами, превратятся в катамараны, тримараиы или подобие полииезийских лодок с балансирами. В иих все трудиее будет узнавать то первородиое фабричиое иачало, к которому иеистощимый на выдумки ум туриста иавесил, приспособил, подогиал все, что, по его разумеиию, сделало «машину» более быстроходной, непотопляемой, удобиой в транспортнровке и эксплуатации.

Никто не будет спорить, что отдых на воде — лучший нз отдыхов. А если он еще связан с путешествием, то ему и вовсе цены иет. Вопрос только — как и иа чем плыть?

Сплав на плотах — на любителя. Да и физически он доступен далеко ие каждому. Сплав на веслах? Прочные деревянные посудины трудио транспортировать к месту жительства, а легкая сборная байдарка ие всегда иадежна иа «серьезной» реке нлн озере. Лодка с мотором? Но в наше шумиое время от мотора со всемн его лошадиными силами больше всего и хочется отдохнуть.

Остается парус. Но и парус парусу рознь. Спортивиая яхта — сооружеиие дорогое и громоздкое — беспомощна на порожистых реках, извилистых мелководиых протоках. Ее ие доставишь к водоему, еслн к иему нет хорошей дороги. С иею ие измепишь маршрут, если выбраиный раиее показался иеинтересным.

— А с иашими «машинами» иет иикаких проблем, — объясияет московский инжеиер Владимир Каиюков, который, как н миогие его едииомышленнкн-туристы, парусные «малолитражки» называет «машинами».— Два крепких мужнка могут в рюкзаках доставить разобраиную лодку практически в любую точку Советского Союза и через пару часов подиять паруса... Если корабль большой, он тяжелее, и для переиоски иужно больше иарода. Но зато у иего и грузоподъемность выше.

Кстати, московские туристы-парусники проводят ралли, в которых могут участвовать суда любой конструкции с парусами любой площади. Шансы участииков уравнивает то, что старт дается, когда лодки еще лежат в рюкзаках. Если больше площадь парусов, сложиее конструкция, то больше времени уйдет иа сборку. Зато на дистанции есть шанс наверстать упущеииое за счет высокой скорости.

«Любая точка Советского Союза» — сказано Канюковым вовсе не для красного словца. В активе московских туристов — парусные байдарочные походы по Аральскому и Азовскому морям, Байкалу, Камскому водохранилищу, Селигеру, бесчислеиным рекам и озерам Сибирн, Урала, Дальнего Востока, Севера. Игорь Писарев, рабочий-строитель из Москвы, лет десять иазад обошел Байкал иа парусной байдарке, которую привез с собой в рюкзаке.

Новый вид туризма родился. Остается лишь организациоино объедииить группы энтузиастов-парусников, которые уже существуют ие только в Москве, и официально «прописать» их в нашем туризме. Хотя отдых на воде и лучший из отдыхов, ио ои ие лишен различного рода опасностей, когда ему предаются стихийно...

Л. ПЛЕШАКОВ

ИЗ-ПОД НОСА У ГИТЛЕРОВЦЕВ

С профессором Магдалиной Петровной Покровской я знаком еще с довоенных лет, когда она приобрела широкую известность своими самоотверженными экспериментами с чумными палочками. Ее научный подвиг лег, кстати, в основу пьесы «Сильнее смерти», поставленной в 1939 году на сцене столичного Камерного театра.

Не углубляясь в микробиологическую специфику, укажу, что в 1936 году Магдалина Петровна испытала на себе действие созданной ею противочумной вакцины. Этот и последовавшие за ним другие подобного рода опыты проводились тайно. Она сумела утаить их до поры до времени не только от газетной огласки, но и от Наркомата здравоохранения, где не рискнули бы дать санкцию на такие эксперименты. Надо отметить, что тогда заражение легочной чумой считалось безусловно смертельным. Опираясь на достижения русских и иностранных ученых, в первую очередь И. И. Мечникова, М. П. Покровская успешно завершила свои исследования.

Советским ученым был найден эффективный метод борьбы с чумой — с самой страшной болезнью, которая многие века пожирала человеческие жизни.

Самоотверженные эксперименты профессора Покровской стали известны всему миру. Ими заинтересовались и в фашистской Германии, где в глубокой тайне уже шли работы над созданием смертоносного бактериологического оружия. А как впоследствии стало известно — и это было установлено на Нюрнбергском процессе,— гитлеровские военные бактериологи культивировали в одном из своих институтов именно бактерии чумы. Но, готовя бактериологическую войну, гитлеровцы не могли не думать о самозащите. Вот почему их так активно заинтересовали опыты Покровской.

Началась война. Ставрополь, где вела свои работы Покровская, стал подвергаться воздушным налетам. Труба ее противочумной станции виднелась издалека, являясь отличным ориентиром для фашистских бомбардировщиков. Но тем не менее гитлеровские летчики не сбросили на эту часть города ни одной фугаски, ни одной зажигательной бомбы. А когда в начале августа 1942 года наши войска оставили Ставрополь, вместе с первыми частями фашистских войск в городе появилась группа германских бактериологов. Они сразу же направились к дому с высокой трубой...

Еще за два дня до этих событий Магдалина Петровна находилась в Москве — в санитарно-противо-

Рисунок
Ю. ЦИШЕВСКОГО.

эпидемическом управлении Наркомздрава СССР решался вопрос об эвакуации ее станции. Предполагалось, что время для этого еще есть. Но вдруг ночной звонок в гостиницу: распоряжение — немедленно вылетать, экстренно вывезти ценные материалы, не терять ни часа, ни минуты. Самолет ВВС ждет на аэродроме...

Увы, полет прошел не совсем удачно — около Астрахани случилась вынужденная посадка. Но ей повезло — подвернулся попутный автомобиль, направлявшийся в Дивное. В Дивном ей повезло еще раз: она села в товарный поезд, идущий в Ставрополь, и в вагоне с сеном к вечеру добралась домой.

На следующий день выяснилось, что невдалеке от города появился фашистский десант, а с юга идут танки противника. Она торопилась, собирая бесценные материалы.

К утру все было упаковано, и вместе с группой сотрудников она покинула станцию. Ее машина была еще совсем близко, всего в нескольких минутах езды от станции, когда там появились гитлеровские бактериологи...

Фашисты не сразу поверили, что добыча ускользнула буквально из рук. Тот, кто был среди них старшим, стал заверять не успевших уехать сотрудников станции, что если «госпожа директор» скрывается где-то поблизости, то пусть она знает, что и ей и ее мужу (Илья Григорьевич Иоф, муж Магдалины Петровны, был зоологом, известным своими исследованиями о роли степных грызунов в распространении чумы) гарантируется полная безопасность и неприкосновенность.

Все служебные помещения станции и квартира Покровской подверглись тщательному обыску. Фашисты забрали даже личные вещи и фотографии Магдалины Петровны, на которых она была изображена во время работы или среди университетских друзей.

Забегая вперед, скажу, что после капитуляции фашистской Германии все это было обнаружено нашими частями в вирусном институте на одном из островов Балтийского моря и к великой радости Магдалины Петровны возвращено в Ставрополь.

А в то утро, пока фашистские «ученые» снимали со стен фотографии Покровской, ее машина стояла в небольшой рощице на другом краю города. Шофер, оставив ей ключ от зажигания, сказал, что они проезжают мимо его дома, и побежал попрощаться с близкими... Время шло, и дальнейшее ожидание шофера могло обернуться бедой. Магдалина Петровна держала в руках ключ, но, как пользоваться им, не знала. И никто из ее сотрудников никогда не сидел за рулем.

Что делать? Поджечь машину и уходить пешком? Или рассчитывать на чудо? Но в чудеса она не верила, и положение стало рисоваться ей отчаянным. Однако чудо все-таки случилось. К ней подошли два парня и, сказав, что они студенты местного мединститута, спросили, не возьмет ли она их в машину.

Когда выяснилось, что машину некому вести, парни переглянулись.

— Ну как, Зигмунт? — сказал один из них.

— С мотоциклом я бы вполне справился, — растерялся Зигмунт,— а вот с ЗИСом... практики нет.

Но коль скоро выхода не было, Зигмунт сел за руль, и машина тронулась...

Никто не знал, как ехать, чтобы не нарваться на немцев. К счастью, они подсадили в машину полковника милиции с женой. Этот полковник и помог выбрать нужное направление.

Поблуждав по степным дорогам, Зигмунт в конце концов привел машину в расположение нашего автополка, командование которого выделило им еще одного шофера и механика. И ценнейший груз Покровской был доставлен в Астрахань.

...Давно уже нет противочумной станции, в которой М. П. Покровская осуществляла свои смелые эксперименты. Сейчас она живет в Москве. Ей недавно исполнилось 75 лет, но все свои знания и богатый опыт микробиолога она по-прежнему отдает людям; в настоящее время Магдалина Петровна состоит профессором-консультантом Московского института эпидемиологии и микробиологии Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Уместно вспомнить, что в годы войны М. П. Покровская вместе с другими специалистами работала над приготовлением бактериофага для лечения раненых. Она принимала также участие в противоэпидемической работе по ликвидации санитарных последствий войны. В послевоенные годы Магдалина Петровна Покровская с успехом занималась изучением способов иммунизации и активного лечения туберкулеза, потом переключилась на брюшной тиф. Руководимый ею коллектив микробиологов создал ценнейший препарат для предохранительных прививок от брюшного тифа детям дошкольного возраста.

Яркой и героической научной деятельности профессора М. П. Покровской посвящены книги, статьи и даже, как уже было сказано, пьеса. Я тоже писал о ее научных опытах, но вот, листая как-то свои записные книжки, вдруг наткнулся на запись о событиях августа сорок второго года. Разве мужество, проявленное в те дни Покровской, менее достойно рассказа, чем ее подвиги на научном поприще? Я специально встретился с Магдалиной Петровной, и она дала мне адрес Зигмунта Войта — того студента, который сел за руль машины и которому она обязана спасением.

Зигмунт Войт — ныне врач Польской армии — живет в городе Быдгоще. Отвечая на мое письмо, он рассказал свою историю. Он родился в нашей стране, в Виннице, где до сих пор живут его мать и сестра. Там перед войной он и начал свое медицинское образование, потом учился в Ставрополе, во Фрунзе, где в 1943 году был мобилизован в Польскую армию. Служил фельдшером в Первой Варшавской танковой бригаде. В 1949 году наконец завершил медицинское образование, окончив Люблинский университет. Стал гражданином Польской Народной Республики. И еще два года учился в Ленинграде — в Военно-медицинской академии.

А в те августовские дни сорок второго года он, как студент-медик, работал санитаром в психиатрической больнице. Когда полгорода уже было занято фашистами, он и его товарищ последними покинули больницу. Спеша уйти из города, они и встретили машину Магдалины Петровны. Он был хорошим мотоциклистом, немного водил и машину. Однако размышлять не приходилось...

«Я взял ключик, машина завелась, и мы поехали,— вспоминает Зигмунт Войт.— По дороге были разные приключения: то вода закипала, то зажигание портилось... Было мне тогда 20 лет».

Помощь, оказанную им Магдалине Петровне Покровской, Зигмунт Войт считает «исполнением своего гражданского долга». Он так пишет: «Тяжелые времена войны нас сдружили, и друзьями мы остались на всю жизнь».

Э. ФИНН

Иллюстрация.

Клоунада.

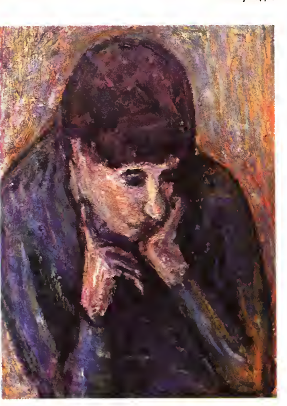
На стендах «ЮНОСТИ»

ОЛЬГА АНДРЕЕВА

1951—1976.

Танец.

Портрет брата.

Цена 50 коп.
Индекс
71120

В НОМЕРЕ 3 1977

ПРОЗА

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ.